

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО КУТУЗОВА

Проф. Н. Коробков

I

Нельзя не признать, что наша военно-историческая наука значительно отстаёт в разработке ряда существеннейших вопросов отечественной военной истории, в частности очень мало освещён и вопрос о роли Кутузова в истории развития русского военного искусства.

В советской историографии прочно установился взгляд на Кутузова как на одного из величайших русских полководцев. Взгляд этот продолжает народную традицию, в своё время отражённую в фольклоре и в сочинениях виднейших представителей русской литературы — Жуковского, Крылова, Пушкина и Л. Толстого, подчеркнувшего глубоко национальную «народную» силу творческой мысли Кутузова¹.

Однако эта столь справедливая общественная оценка, к сожалению, до сих пор не получила должного раскрытия в исторической литературе, и определение роли Кутузова в истории развития русской военной мысли и военного искусства остаётся делом будущих специальных исследований. Имеющиеся по данной теме статьи частного характера не решают общего вопроса об основах военного искусства Кутузова². О нём говорят как о выдающемся представителе русской военной школы и продолжателе Суворова, но тем не менее совершенно неясным остаётся вопрос о том, что же именно прибавило военное искусство Кутузова к наследству его учителя; что нового внёс Кутузов в русское военное искусство, отличаются ли его методы от суворовских или же они являются только применением последних в конкретных условиях новых войн и операций. В результате и оценка Кутузова как великого полководца и одного из творцов русского военного искусства остаётся недоказанной и голословной. Это тем более существенно, что в специальной дореволюционной литературе имеется немало отрицательных необъективных заключений о Кутузове.

Сколько-нибудь значительной и удовлетворяющей научным требованиям общей работы о Кутузове мы не найдём ни в дореволюционной, ни в советской литературе. Этот зияющий пробел не восполнен и до сих пор.

Ранние издания военно-биографического характера представляют не более чем материал для изучения и интересны лишь с точки зрения соб-

¹ Толстой Л. Война и мир. Соч. Т. VII, стр. 255. М. 1887.

² Кац Б. О замысле Кутузова в Бородинском сражении. «Историк-марксист» № 3 за 1941 г.; Соколов Б. Стратегия и тактика Бородинского сражения. «Исторический журнал» № 2 за 1943 г.; Коробков Н. Кутузов и освободительный поход русской армии в 1813 г. «Военная мысль» № 6—7 за 1945 г.; Рындзюнский П. Кутузов в Тарутинском лагере. «Исторический журнал» № 3 за 1945 г.; Яковлев В. Инженерное оборудование Бородинского поля сражения. «Техника и вооружение» № 10 за 1938 г.; Рудаков Д. Березинская операция. «Военная мысль» № 1 за 1938 г.; Предтеченский А. Бородинский бой и русская общественность. «Учёные записки Ленинградского университета» № 19. Серия исторических наук. Т. IV. Вып. 1-й за 1938 г. и др. Из более ранних, но малоубедительных попыток надо отметить работы комбрига И. Левицкого Война 1812 г. М. 1938 и более значительный труд полковника Н. Подорожного Кутузов. Восмиздат 1942.

ранных фактов и документов¹. Среди множества исследований, описаний и «историй», так или иначе касающихся Кутузова, есть несколько, оказавших сильное влияние на последующие. Это работы Д. Бутурлина² и особенно большие работы генерала М. Богдановича³ и А. Михайловского-Данилевского⁴. Принадлежащее последнему «Описание отечественной войны 1812 г.» отредактировано Николаем I, который внёс в труд большие поправки и изменения. Мнения этих авторов представляют особый интерес, потому что оба они в своё время были виднейшими военными историками, а Михайловский-Данилевский в прошлом состоял адъютантом Кутузова.

Эти историки, особенно Богданович, установили чрезвычайно критическое, хотя и замаскированное, отношение к Кутузову как к полководцу. Характерно, например, заключение, которым Богданович подводит итоги жизни и деятельности фельдмаршала: «Он должен жить в памяти потомков, как орудие Всесильного Промысла, поразившее неприятеля так же неожиданно, как поражён был сильный Голиаф рукою слабого Давида. Не будем сравнивать Кутузова, как полководца, с гениальным его противником... но скажем, что он был вождём русских в великой войне, поколебавшей преобладание Наполеона... История не забудет этих подвигов»⁵.

Эта точка зрения как будто совпадает с точкой зрения, изложенной Л. Н. Толстым в «Войне и мире», но сущность освещения тут и там совершенно иная. Если для Толстого Кутузов действительно является орудием в руках рока, и ценность его заключается не в способностях полководца, а в умении не мешать развитию predetermined событий, то для Богдановича «промысел» — это только способ объяснить, почему Кутузов при его будто бы медлительности, ошибках сумел победить величайшего из полководцев своего времени. Позиция эта резко пристрастна. Она отображает взгляды императоров Александра и Николая и вместе с тем специально направлена на возвеличение роли Александра I в войнах 1812 и 1813 годов. Тот же отпечаток лежит и на работах Михайловского-Данилевского, хотя его личное отношение к фельдмаршалу создаёт здесь двойственность оценки. К тому же оба историка, особенно Михайловский-Данилевский, не дают ни анализа, ни обоснованных выводов, а ограничиваются формальным описанием и произвольной оценкой фактов (Богданович). Но при всей неубедительности выводов эти большие «Описания», которыми не может не пользоваться и современный военный историк, оказали на военно-историческую литературу большое влияние.

Много способствовали укреплению подобных мнений и записки некоторых современников, недоброжелательно относившихся к Кутузову или пристрастно, в личных целях изображавших и оценивавших факты, — Беннигсена, Ростопчина, Ермолова, Толя⁶. К тому же «Записки» быв-

¹ «Исторические записки о жизни и воинских подвигах генерал-фельдмаршала Кутузова». СПб. 1813; «Картина жизни военных и политических деяний... Кутузова в трёх книгах, писанная одним российской службы офицером». М. 1813; «История военных и политических деяний Кутузова... с достоверным описанием частной или домашней его жизни». СПб. 1813, 1814 и др.

² Бутурлин Д. История нашего императора Наполеона на Россию в 1812 г. Ч. 1-я и 2-я. СПб. 1823 — 1824.

³ «История отечественной войны 1812 г.». Т. I—III. СПб. 1859—1860; «История войны 1813 года за независимость». Т. I—II. СПб. 1863.

⁴ Михайловский-Данилевский. Описание отечественной войны 1812 г. Ч. 1—2-я. СПб. 1843; Описание войны 1813 г. Соч. Т. VI. СПб. 1850.

⁵ Богданович М. История войны 1813 г. Т. I, стр. 118.

⁶ Беннигсен Л. Записки о кампании 1812 г. «Русская старина» №№ 4, 6, 7, 9, 11, 12 за 1909 г.; Ермолов А. Записки. М. 1865; Толь К. Описание битвы при селе Бородино. «Отечественные записки». Ч. 2-я, № 28—29 за 1822 г.; его же. Записки. «Военный сборник» № 11 за 1910 г.; «Генерал-квартирмейстер К. Ф. Толь в 1812 г.». СПб. 1912.

шего квартирмейстера Кутузова, Толя, непристойно искажены и подделаны издавшим их немецким военным историком Бернгарди, который был домашним учителем в семье Толей. Тогда-то Бернгарди и записывал рассказы Толя и впоследствии опубликовал их в собственной обработке. Глубокое искажение фактов, самой личности Толя и клеветнические замечания Бернгарди вызвали протест со стороны семьи Толя. Тем не менее этой фальшивкой пользуются и до сих пор. Пресловутые «Записки» Толя ввели в заблуждение даже Энгельса. Статья Энгельса о Бородинском сражении, построенная, как он сам указывает, на материалах Толя, даёт неверное соотношение сил и потерь сторон, неточное описание действия (особенно в канун сражения) и тем более роли Кутузова, который будто бы только после ранения Багратиона «принял некоторое участие в сражении»¹.

К числу свидетельств необъективных, даже лживых, но оказавших сильное влияние на историков, надо отнести и записки английского генерала Вильсона². Этот дипломат не только чрезвычайно субъективно оценивал и описывал факты, но и плохо понимал обстановку. Стремясь в своих целях убрать Кутузова, Вильсон со своей позиции даже был искренен. То, что он писал и сообщал Александру, он заносил и в свои записки. В них он зафиксировал также многочисленные «интимные сообщения» императора о фельдмаршале, причём, подобно большинству иностранных дипломатов, вовсе упустил из виду, что этот «византиец», который был настолько же глуже, насколько и тоньше Меттерниха, обладал прекрасным умением говорить для того, чтобы скрыть свои мысли.

Многочисленные свидетельства и заключения французских современников Кутузова отличались не только субъективностью, но и недостаточным знакомством с фактами. Это и понятно. Даже такие блестящие мемуаристы, как Сегюр³, могли иметь по интересующим нас вопросам лишь крайне ограниченные сведения. Их свидетельства ценны главным образом фактическим материалом о своей стороне. Искать в них правильного понимания и оценки Кутузова не приходится.

Это в полной мере относится и к Жомини⁴, убеждённому апологету Наполеона. Влияние Жомини, начальника штаба маршала Нея, а с 1822 г. начальника русской военной академии, главы наполеонистской школы в России, чрезвычайно сильно сказалось на взглядах русских военных теоретиков и историков даже второй половины XIX века. Воспитанные им в духе безграничного преклонения перед военным искусством Наполеона, они мало интересовались Кутузовым и усвоили к нему скептическое отношение, совпадающее с отвлечёнными мнениями Клаузевица. Последний в своих работах опыта кампании 1812 г. не только ограничивает роль Кутузова, но и даёт ему грубо неверную оценку⁵.

Этот ложный взгляд упрочился настолько, что проник даже в военно-учебную литературу. Так, в официальном руководстве для военно-учебных заведений, составленном Карцовым, роль Кутузова в 1812 г. остаётся вовсе затухшею⁶. Ранние, более объективные исследования вообще

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XI. Ч. 2-я, стр. 631—637.

² Wilson B. Narrative of events during the invasion of Russia by Napoleon Bonaparte and the retreat of the French army. London. 1860.

³ В русских переводах — «Бородинское сражение». Киев. 1901; «Переправа через Березину». СПб. 1905; «Поход в Россию». М. 1916; «Поход в Россию 1812 г.», «Интернациональная литература» № 1—2 за 1942 г., стр. 172—191.

⁴ Жомини. Очерки военного искусства. Т. I—II. Воениздат. 1939. Общий обзор французской литературы, касающейся Кутузова (в основном относящейся к истории 1812 г.), даёт В. Васютинский в статье «Отечественная война во французской исторической литературе». «Отечественная война и русское общество». Т. VII, стр. 282, 291. На немецкой литературе не останавливаемся. Её обзор дан В. Перцевым в том же издании. Т. VII, стр. 291—299.

⁵ См. Клаузевиц. О войне. Т. I—II. М. 1937.

⁶ См. Карцов. полк. Военно-исторический обзор войны 1812 г. СПб. 1852.

не получили распространения и представляют явления единичные¹. Даже такой серьёзный и добросовестный военный историк, как В. Харкевич, в своём исследовании березинской операции и в других работах, избегая прямого порицания Кутузова, многократно подчёркивает его безынициативность, медлительность, странное равнодушие к успеху дела. В заключительной части исследования березинской операции Харкевич отмечает как причину неполного её успеха, что Кутузов «своей медлительностью добровольно лишил себя возможности руководить действиями в момент кризиса и являлся простым свидетелем совершающихся событий»².

Тем же недостатком страдают и такие ценные работы, как «Бородино» А. Геруа (СПБ. 1912), Н. Михневича (М. 1912), П. Ниве («Отечественная война 1812 г.». СПб. 1911).

Толчок вперёд дали работы А. Н. Попова. Не будучи военным специалистом, но внимательно изучив архивные первоисточники, в ряде своих работ³ А. Н. Попов отчётливо показал, что многочисленные враждебные Кутузову свидетельства современников продиктованы стремлением приписать себе славу успехов Кутузова, лишить его «соединённых с его искусством» прав на достойную оценку⁴. Опровергая клеветнические выпады и просто непонимание значения Кутузова, Попов утверждал, что фельдмаршал являлся подлинной «центральной фигурой войны 1812 года»⁵. Позднее А. Н. Попов выпустил отдельное издание, что также способствовало распространению более правильной оценки Кутузова.

В специальной литературе XX в., особенно в связи с столетним юбилеем Отечественной войны, появилось стремление серьёзно пересмотреть такие взгляды.

Стремление к правильной оценке событий стали усваивать и военные специалисты. Полковник Поликарпов подверг жёсткой критике концепцию и освещение фактов в труде генерала Богдановича⁶. Попытку более верно оценить значение Кутузова находим у профессора Николаевской академии генерального штаба генерала Б. Коллюбакина⁷. Представляют интерес также работы П. Васенко⁸, А. Байова⁹, из популярной литературы — книга А. Погосского¹⁰.

Тем не менее сколько-нибудь полного, исторически правильного понимания Кутузова как полководца дореволюционная литература так и не дала. В основном Кутузова рассматривали как величину, гораздо меньшую, чем Наполеон. Характерно, что даже в монументальном юбилейном издании «Отечественная война и русское общество» (1912) мы нахо-

¹ В этом отношении особенно интересен труд полковника Окунева, посвящённый истории войны 1812 г., изданный на французском языке и появившийся на русском языке в 1833 г. под названием «Рассуждение о больших военных действиях... в 1812 году». СПб.

² Харкевич В. Березина, стр. 205. СПб. 1893; см. также стр. 10, 55, 58, 205 и др. Вскрываются и квазимотивы этой медлительности: «обаяние личности Наполеона и страх встречи с первым полководцем своего века» (стр. 207). Любопытно, что Харкевич опирается в этом на мнение Клаузевица. Эту тенденцию ранних историков с возмущением отмечал Л. Н. Толстой в «Войне и мире».

³ См. Попов А. Москва в 1812 г. От Малоярославца до Березины. Движение русских войск от Москвы до Красной Пахры.

⁴ «Русская старина». Вып. 2-й за 1897 г., стб. 523.

⁵ «Русская старина». Вып. 1-й за 1877 г., стб. 277.

⁶ См. Поликарпов Н. К истории войны 1812 г. (по первоисточникам). Вып. 2-й, стр. 4. М. 1911.

⁷ См. Коллюбакин Б. Война 1812 года. Бородинская операция. Изд. «Труды Русского военно-исторического общества». Т. V, кн. 1-я за 1912 г.; см. также его статью в сборнике «Отечественная война и русское общество».

⁸ Васенко П. Двенадцатый год. СПб. 1911.

⁹ См. Байов А. Записки по истории военного искусства в России. Эпоха императора Александра I. СПб. 1906.

¹⁰ См. Погосский А. Отечественная война 1812 г. СПб. 1911. 6-е изд. На других, весьма многочисленных популярных работах, так или иначе касающихся Кутузова, не останавливаемся.

дим лишь одну, и притом весьма бледную, статью о Кутузове; Наполеону же посвящены целые разделы (в томе II — «Наполеон и его соратники», в томе VII — «Наполеон и историческая наука»), а «величие» его выступает в каждом томе издания как дань «благородного либерализма» и псевдообъективности общих, военных историков и историков-публицистов, участвовавших в этом, в целом весьма ценном, издании.

Ограничиваясь самым кратким обзором литературы о Кутузове, мы вовсе не касаемся здесь документальных изданий и публикаций на эту тему¹, а также архивных фондов, к сожалению, всё ещё не вполне выявленных².

Кутузов вступил на военное поприще в период стремительного подъёма русского военного искусства. В 1764 г. он был в Польше, где участвовал в военных действиях, получивших с прибытием Суворова блестящее выражение в кампании 1769 года. По собственному замечанию Кутузова, он тогда ещё не научился «понимать войну», вероятнее всего по молодости и ввиду особенностей тех кампаний, носивших характер «войны малых форм»³.

В 1770 г. Кутузов получил перевод в действовавшую против турок армию. П. А. Румянцева, принял участие в этой великолепной кампании, так прославившей имя Румянцева. О том, что предшествовавший боевой опыт польской войны был хорошо усвоен капитаном Кутузовым, свидетельствовали его отличия уже в первые месяцы службы в войсках Румянцева. Служба в должности обер-квартирмейстера, начальника штаба корпуса Баура, работа над планами передвижений и действий корпуса, в развитие общих указаний главнокомандующего, позволила Кутузову полностью усвоить принципы военного искусства Румянцева. Этот период завершился тяжёлым ранением Кутузова в голову в сражении 24 июля⁴ 1774 г. у деревни Шумы (близ Алушты).

Во второй Турецкой войне (1787—1791) Кутузов в чине генерал-майора командовал корпусом, охранявшим границы по р. Буг. Затем он был отозван к Очакову, затяжность осады которого так возмущала Суворова, и получил там второе, казавшееся смертельным ранение в голову. Однако вскоре Кутузов вновь вернулся в армию, в 1790 г. своими операциями под Измаилом он содействовал взятию Килии, после чего Измаил был блокирован. У стен этой крепости Кутузов вновь сражался под командованием Суворова, к тому времени прославленного победами при Киинбурне, Фокшанах и Рымнике. Кутузов участвовал в подготовке этого классического штурма и был привлечён Суворовым к обсуждению плана атаки.

Возглавляя колонну, штурмовавшую Килийские ворота, Кутузов в исключительно тяжёлом рукопашном бою «мужеством своим был примером подчинённым... оказал новые опыты искусства и храбрости»⁵. Так писал о нём Суворов в донесении о взятии Измаила и в знак признательности назначил Кутузова комендантом Измаила.

На этом непосредственное боевое сотрудничество Суворова и Кутузова закончилось. Отзыв старшего полководца как бы подводил итоги

¹ Библиография такого рода публикаций дана в приложении к документальному сборнику «Фельдмаршал М. И. Кутузов». Госполитиздат. 1945.

² Основными хранилищами этих фондов являются Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА) и Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА). Собственный архив Кутузова до сих пор не обнаружен. Известно лишь, по справке 1843 г., «что все бумаги фельдмаршала по смерти его были отправлены к его величеству, где ныне находятся — неизвестно» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3112). Попытка выявить кутузовские материалы, сделанная Главным архивным управлением СССР, дала много новых и ценных материалов, но работа эта ещё не завершена.

³ Михайловский-Данилевский А. Император Александр I и его соратники. Военная галерея «Зимнего дворца». Т. III, стр. 70. СПб. 1846.

⁴ Все даты по старому стилю.

⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 2413, лл. 5, 12.

предыдущей военной деятельности Кутузова и свидетельствовал о нём как о сложившемся военном таланте и достойном представителе русской суворовской школы.

В 1791 г. Кутузов в операциях у Бабадага и Мачина вновь проявил себя как смелый, решительный генерал, мастер обходного маневра.

Первый период боевой деятельности Кутузова закончился второй Турецкой войной. Тогда ему было 45 лет.

К этому времени русское военное искусство выкристаллизовалось в совершенно отчётливых формах, противостоявших военной доктрине Запада. Система «стратегии истощения» там держалась прочно, хотя опыт американской освободительной войны уже пробил в ней широкую брешь. Да и тактические опыты Фридриха II, пытавшегося в условиях Семилетней войны вырваться из рамок собственной организационной системы, ставили перед военной мыслью вопрос: возможен ли вообще успех подобных начинаний? Французская революция уже совершилась, но ещё не родилось созданное ею военное искусство; имя Бонапарта мало кому было известно. В германских среднеевропейских государствах царили всё те же окаменелые порядки, та же доктрина Фридриха II. Поправки к ним, в смысле укрепления войск национальными контингентами, были незначительны и реально ощущались лишь в Австрии, но основы военной доктрины, по существу, не изменились и там. Процветали теории Ласси, Ллойда, Бюлова. Кордонная система Ласси, против которой так возражал Румянцев, — система, жестоко осмеянная Суворовым, всё же в период первого итальянского похода Бонапарта увлекла и революционных французских генералов. У Ллойда его «ключи позиций» утверждали ложные представления о решающем значении географических точек в войне. Бюловская теоретическая математика войны учитывала солдата только как механическую единицу и пыталась найти общие формулы, которые могли бы служить абсолютными решениями в любых условиях, при правильном учёте количественного соотношения сил и географической обстановки. А в основе всех этих взглядов оставалось стремление сделать войну бескровной и вести её преимущественно на коммуникациях противника.

Русская военная мысль того же времени, как в фокусе, собранная в суворовской «Науке побеждать», уже радикально решила все эти вопросы. Основной оперативной задачей войны она поставила истребление живой силы противника, принципом действия установила сосредоточенность сил, а методом — маневренность, понимаемую не в смысле передвижений войск для действий на коммуникации, а как боевые маневры, имеющие целью поражение противника в бою и его истребление в последовании.

Предпосылкой этих положений был национальный характер созданной Петром на основе рекрутских наборов регулярной армии и доверие к ней командования, убеждённого в твёрдой воле русского национального войска к победе. На этом принципе был построен «Устав воинский» Петра Великого (1716), положения которого впоследствии были развиты Румянцевым, а затем с ещё большей чёткостью — Суворовым. Русская суворовская школа второй половины XVIII в. исходила прежде всего из военных и из человеческих качеств солдата. Позднее эта мысль была сформулирована Драгомировым, утверждавшим, что военные качества — это прежде всего человеческие качества. Выводом из этих воззрений явилась культура инициативы, «частного почина».

Если Фридрих II воспрещал проявление личной инициативы даже своим бригадным генералам и допускал некоторые исключения только для кавалерии, то Пётр I в предисловии к Уставу 1716 г. указал не держаться его «яко слепой стены»¹ и предписал командующим «своё дело

¹ Устав воинский, стр. 13. СПб. 1717.

исправлять» в зависимости от положения земли, силы неприятеля и обыкновения оног»¹.

После упадка в годы засилия временщиков (бироновско-миниховское время) эти положения петровского устава были восстановлены Румянцевым на опыте Семилетней войны, затем укреплены и расширены Суворовым. Особенности русского военного искусства являлись возможность действия отдельных, самостоятельных групп в исполнении общего плана, участие не только силы и воли, но также мысли каждого сражающегося в боевом осуществлении решений высшего командования². Это касалось конечно, прежде всего командного состава, но уходило в толщу солдатских масс.

Из правильной оценки качеств русского солдата выросли и два внешне противоположных принципа: с одной стороны, смелость, стремительность, безоговорочная решимость в натиске, широкое применение холодного оружия, и с другой — бережное отношение к живой силе, столь характерное для Румянцева, Суворова и Кутузова. Суворов ненавидел «гнусную ретираду» и по непоколебимости свои войска сразивая со скалой, но вместе с тем учил, что «потеря людей невозвратима; нередко один человек дороже поста», уступка которого ничего не меняет, так как уступленный пост можно снова занять³.

Из бережного отношения к людям и пониманию целей войны сложилась общая для всех трёх полководцев система воспитания и обучения войск, столь ярко выраженная в «Науке побеждать», превзошедшей замечательный опыт румянцевского «Обряда службы».

Эти начала русской военной школы стали органическими положениями военной и боевой деятельности ученика Румянцева и Суворова — Кутузова.

Михаил Илларионович Кутузов принадлежал к тому кругу дворянской интеллигенции, которая в XVIII и в первой половине XIX в. была основным выразителем передовой русской культуры. Из среды этой интеллигенции вышло большинство государственных и военных деятелей, дипломатов, писателей, поэтов, политических мыслителей, ярко выразивших культуру и идеологию своего времени. Стоя на уровне современной ей западной культуры, органически осваивая её достижения, русская дворянская культура вместе с тем не была оторвана от культуры народной. Помещичий быт этого среднего круга дворянства насыщал чисто народными представлениями ум ребёнка. Народная мысль влияла на его развитие через всю массу дворовых людей и жизненных обстоятельств, так привлекающих ребёнка в обстановке деревни. Француз-гувернёр не был способен парализовать это воздействие. Связь с народным миропониманием увеличивалась воспитанием первых учителей из поповичей, а русское сельское духовенство того времени было тесно связано с крестьянской массой и в помещичьем доме представляло иные, не дворянско-западнические культурные начала.

Так воспитывался Суворов, так рос позднее Пушкин. Ту же черту народности в Кутузове с художественной прозорливостью отметил Л. Н. Толстой.

Род Кутузовых, по преданиям, восходит к XIII в.; предок их сражался

¹ Устав воинский, стр. 90—91. СПб. 1717.

² Западные и особенно немецкие военные исторички в силе коллективного действия русских войск видели способность их действовать лишь в плотных массах и непригодность к действию мелкими частями и подразделениями. Эту точку зрения высказывали также Энгельс и Меринг. Между тем бесчисленные примеры из русской военной истории доказывают, что для русского войска характерно как раз обратное.

³ Из приказз генералу Краю от 12—23 августа 1799 г. «Славянин». Т. V, стр. 65. 1827

в дружине князя Александра Ярославича в Невской битве¹. Отец будущего фельдмаршала, известный автор проекта Екатерининского канала, был талантливым военным инженером (умер в чине генерал-поручика и звании сенатора). Михаил Кутузов также отличался способностями к математике. Ещё мальчиком он был привлечён к преподаванию математики в военно-инженерной школе, где и сам обучался. Окончив в возрасте около 15 лет школу, он прекрасно владел французским и немецким языками, а «на латинском разумел автора», как особо отмечено в свидетельстве об окончании школы. Позднее Кутузов освоил также языки польский, турецкий, английский. Его дальнейшее образование, как у всех почти военных деятелей того времени, не было систематическим. Кутузов пополнял его самостоятельными занятиями. Знание французского и немецкого языков чрезвычайно расширяло круг чтения Кутузова. Сосредоточивая внимание на вопросах военной истории и военного искусства, он проявлял также большой интерес к инженерному делу, а в годы отставки и жизни в деревне — к агрономии. Он занимался историей России и её международных отношений, хорошо изучил международное право, читал книги по философии. Прекрасно владея русским народным языком, со всем богатством его образов и оборотов, Кутузов вместе с тем был любителем и знатоком французской литературы. Русский, как он это всегда подчёркивал, противопоставляя себя всяким антирусским тенденциям, он в то же время был блестящим представителем европейской культуры своего времени, и его переписка с м-м де Сталь — не случайная, а очень характерная для него черта.

Несколько заграничных путешествий, и особенно первое из них, для лечения после тяжёлого ранения в голову, очень расширило его умственный горизонт. За два года, проведённых в Пруссии, Австрии, Голландии, Кутузов встречался с выдающимися людьми и позднее с некоторыми из них поддерживал переписку². За рубежом он не только изучал постановку военного дела, но также живо интересовался наукой, музеями и театром. Блестящий, дальновидный ум, тонкое остроумие делали его обаятельным собеседником. Он умел подмечать слабые и смешные стороны людей, и его язвительные замечания попадали прямо в цель. Но при желании он очаровывал людей. «К числу... талантов его неоспоримо принадлежало искусство говорить, — сообщает современник, — он рассказывал с таким пленительным мастерством, особливо оживлённый присутствием прекрасного пола, что слушатели всякий раз между собой говорили: «Можно ли быть любезнее его?»³.

Эти качества в сочетании с осторожной скрытностью, умением предусматривать и разгадывать планы противника переросли у Кутузова в редкостные дипломатические способности. К нему стали обращаться в тех случаях, когда поручения были особенно сложны и деликатны или когда дело уже было испорчено неосторожностью других дипломатов.

Поручение громадной важности Кутузов выполнил по окончании второй Турецкой войны. В качестве чрезвычайного и полномочного посла он прибыл в Константинополь, чтобы уладить несогласия по некоторым пунктам Ясского мирного трактата, вызывавшим резкую оппозицию султанского правительства, поддерживаемого в этом французским правительством. Кутузов прекрасно справился со своей сложной миссией, разбил планы французской дипломатии и уехал, установив дружественные отношения побеждённой Порты с победительницей — Россией.

В 1795 г. Кутузов был назначен командующим войсками в Финлян-

¹ «Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи». Ч. 2-я, отд. 1. л. 31 об.; ч. 5-я, л. 17 об.

² Михайловский-Данилевский А. Военная галерея Зимнего дворца. Ч. 1-я, стр. 27. М. 1839.

³ Глинка Ф. Очерки Бородинского сражения. Воспоминания о войне 1812 года. Ч. 1-я, стр. 27. М. 1839.

дии, а вслед затем также генерал-директором Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, основного военно-учебного заведения, подготавливавшего офицерский состав русской армии. Кутузов принял охотно эту должность. Под его управлением корпус стал быстро совершенствоваться. Не ограничиваясь чисто административной работой, он сам вёл занятия по курсам тактики и военной истории. Современники свидетельствуют об увлекательности не только этих занятий, но и всяких других выступлений Кутузова. «Говоря о нравственных его (Кутузова.— Н. К.) свойствах,— рассказывает Ф. Глинка, — должно сознаться, что он имел обширный ум и отличное образование. Будучи в одно время директором 1-го кадетского корпуса и присутствуя на экзамене, он развил такое богатство разнообразных познаний, что все профессора и учителя пришли в изумление»¹.

Когда на престол вступил император Павел, Кутузов остался командующим войсками в Финляндии и генерал-директором шляхетного корпуса и стал, по новой номенклатуре, инспектором своих частей и шефом разных полков. Новые, прусские порядки Кутузов расценивал так же, как Суворов, как большинство русских военных. Но он был очень осторожен и уцелел. Суворов же, всем своим поведением протестовавший против павловских реформ, был отправлен в ссылку. Опять Кутузов понадобился в роли дипломата: после неудачи Репнина в Берлине туда послали Кутузова, чтобы убедить прусского короля присоединиться к австро-русско-английской коалиции против Бонапарта. Дело было удачно завершено. Затем Кутузова назначили командовать войсками, отправленными в голландскую экспедицию. Но вступить в должность он не успел: неудачно задуманная экспедиция сорвалась.

Император Александр, вступив на престол, застал Кутузова литовским генерал-губернатором и повысил его, назначив санкт-петербургским военным губернатором и инспектором войск в Финляндии. Но Кутузов вместе с другими ждал отмены павловских порядков, а Александр Павлович хотел сохранить их. Более проникательный, чем отец, он скоро почувствовал скрытую, но устойчивую и последовательную оппозицию Кутузова. Император высказал недовольство петербургской полицией, и Кутузов, поняв, что конфликт начинает получать выражение, подал прошение об отставке. В начале 1802 г. он был уволен и уехал в свои деревни.

II

Опала и увольнение Кутузова явились внешним выражением столкновения между системой национальной военной школы—Суворова и Кутузова — и прусской школой, которую насаждали в России императоры Павел и Александр.

Сущность павловских реформ достаточно известна. Исходя из действительных недостатков в организации русского войска, на которое не раз указывал Суворов, великий князь Павел ещё в 1774 г. представил императрице Екатерине чрезвычайно смелую и резкую по тону записку «Рассуждение о государстве вообще, относительно числа войск, потребного для защиты оногo, и касательно обороны всех пределов». Павел предлагал радикально изменить внешнюю политику и в связи с этим сократить численность войск, компенсируя это улучшением качества армии на основе решительной реорганизации по прусскому образцу.

Такой реорганизацией Павел и занялся тотчас же по вступлении на престол. Он довёл управление армией до такой крайней централизации, что все дела, вплоть до самых мелких, вроде предоставления офицерам длительного отпуска или перевода из роты в роту, решались в кабинете императора. Генеральный штаб был упразднён и заменён военно-походной канцелярией его величества, а затем свитой его величества по квартирмейстерской части.

¹ Глинка Ф. Указ. соч. Ч. 1-я, стр. 27.

В армии были упразднены не только штабы «дежурства» частей, но и полковые канцелярии. Командиры полков лишены были власти, а функции их, притом без всякой определённости, переданы инспекторам. Инспекторы же ведали и прежними военными округами. Старые территориальные наименования полков были заменены новыми, по фамилиям инспекторов, а номера рот — по фамилиям их командиров.

Всё это повлекло путаницу и расстройство в управлении армией. Сознание и инициатива её личного состава, от высших генералов до рядовых, были подавлены детальнейшей регламентацией, определённой многочисленными уставами, «Правилами» и «Наставлениями»¹, которые должны были предусмотреть все возможные в военном деле случаи и становились универсальным катехизисом каждого военнослужащего. Всякая инициатива была не только отброшена, но и воспрещена, а обучение войск сведено к стройному движению в массах и точному выполнению ружейных эволюций.

Вредность павловских реформ очевидна. Ещё более нелепым было сокращение состава наиболее ценной егерской части пехоты (почти на две трети) и кавалерии (на одну треть). На этом фоне терялись и положительны стороны реформы: технически более правильное обучение и использование кавалерии и улучшение артиллерийской службы (создание строевых артиллерийских частей, разработка принципов и приёмов действия орудий и т. д.).

Не только Суворов и Кутузов, не только офицерство, но и все передовые представители русского общества понимали вред этих реформ. «В царствование императрицы Анны фельдмаршал Миних сделал некоторые изменения, но смертельный удар нашему войску... в особенности нанесли преобразования, наставшие после покойной государыни, — уже в 1802 г. писал видный русский государственный деятель, дипломат и знаток армии граф С. Р. Воронцов. — Наше войско не есть уже войско Петра Великого; того даже нельзя назвать русским войском при этой амальгаме нововведений, вызванных подражанием Пруссии и не имеющих никакого отношения к нашей земле»².

В этих условиях закончился первый период военной деятельности Кутузова, и после трёхгодичного его пребывания в отставке начался его второй период.

III

В 1805 г. Наполеон развернул свою последовательную завоевательную политику в стремлении создать мировую империю. Начав с осады Англии, он готовил высадку десанта на её берега. Все европейские державы понимали, что победа Наполеона приведёт не только к «нарушению равновесия» Европы, но и к полной гегемонии Наполеона в Европе. Под влиянием этих опасений возник блок Англии с Россией и Австрией. На территории последней намечалось собрать русско-австрийские войска для нанесения сокрушительного удара Наполеону, который главные силы сосредоточил тогда в Булонском лагере, чтобы отсюда атаковать Англию.

По соглашению, в Австрию посылалось 50 тыс. русских войск; за ними должна была следовать вторая колонна (Буксгевдена). Командующим первой колонной (армией), по договорённости между союзниками, был назначен Кутузов. Его ближайшей задачей являлось соединение с австрийской армией генерала Макка. Затем войска должны были вместе

¹ Отметим основные из них: Воинский устав о полевой пехотной службе; Воинский устав о полевой кавалерийской службе; Воинский устав о полевой гусарской службе; Тактические правила или наставления воинским эволюциям 1797 г.; Постановление генерал-майорам кавалерии 1796 г.; Правила о службе кавалерийской 1796 г. и ряд других.

² «Русский архив» № 11 за 1876 г., стр. 346. Записка графа С. Р. Воронцова о русском войске.

выступить против врага. Стратегический план начала кампании был выработан в обычном для австрийцев духе полного игнорирования инициативы противника. Между тем Наполеон, располагавший хорошей разведкой, узнав о русско-австрийских мероприятиях, в полной тайне вывел свои войска из Булони и быстро подошёл к Ульму. Здесь он окружил австрийскую армию и вынудил её к капитуляции. С присущим ему политическим остроумием он не взял военнопленным только командующего армией генерала Макка.

Когда Кутузов приближался к Ульму, разведка сообщила ему неясные, но тревожные сведения. Кутузов замедлил, а потом приостановил движение. Император Франц посылал ему из Вены предписания идти вперёд, но Кутузов воздержался. Он ждал сведений от разведки и получил их. Почти одновременно с этим в русскую главную квартиру явился «несчастный Макк»; всё стало ясно. Положение было критическим. Кутузов, считая с присоединёнными к нему австрийскими войсками, имел в то время до 55 тыс., а у Наполеона было более 200 тысяч.

«Соделавшись теперь, так сказать, единою защитою Вены, — писал Кутузов 10 октября 1805 г. в своём донесении из Браунау, — если вдамся вперёд, могу быть отрезан неприятелем, который троекратно сильнее меня; оставаясь здесь, равномерно должен ожидать, что буду атакован, и легко быть может, что принуждённым найдусь ретироваться к самой Вене. Я буду соображаться с движениями неприятеля и теми сведениями, какие получу от армии эрцгерцога, чтобы принять решимость в движениях, кои мне нужно будет учинить»¹.

Уже тогда Кутузов руководствовался стратегическими принципами, весьма близкими к тем, которые он развернул позднее, во время Отечественной войны. Любой полководец, любая армия могли гордиться не меньше, чем самой блестящей победой, таким мастерски проведённым обходным маневром, как 400-километровый марш от Браунау к Ольмюцу, навстречу войскам Буксегвена. Этот марш напоминает суворовский отход в Швейцарии. Кутузовский маневр с его замечательными движениями и ударами по отдельным частям противника (на р. Траун, у Амштеттена и особенно у Дюрнштейна), ловкие стратегические ходы и умелое пользование военной дипломатией, имела ту же цель, что и позднее, в 1812 г.: спасти живую силу армии, растянуть коммуникации врага, истощить и ослабить его силы ударами по частям и затем, перейдя в наступление, полностью его истребить.

После неожиданной капитуляции Макка, опрокинувшей все планы австрийского главного командования и поставившей русскую армию в критическое положение, Кутузов предложил императору Францу свой, специфически «кутузовский» план спасения кампании. Он намечал временно оставить Вену французам, упорно защищать переправы на р. Энсе, затем перейти на левый берег Дуная и ни в коем случае не пропускать сюда неприятеля. Позднее же, когда будут стянуты все силы, начать новую кампанию и перейти в наступление. Австрийское правительство согласилось на оборону берегов Энсе. Но отступление австрийцев у Штейера и переход корпуса Мортье на левый берег Дуная вскоре сделали оборону невозможной, и Кутузов, вопреки распоряжению гофкригсрата, огошёл за Дунай, чем действительно спас свою армию. Попутно, на глазах Наполеона, он разгромил корпус Мортье и уничтожил дивизию Газана у Дюрнштейна, совершенно спутав оперативный план наступающей стороны.

Австрийцы же, столь возмущавшиеся мыслью о стратегической уступке Вены, вскоре не только потеряли её, но и дали возможность французской кавалерии беспрепятственно перейти на левый берег Дуная и двинуться наперерез пути отступления русских, стремившихся соеди-

¹ ЦГВИЛ. ф. ВУА. д. № 3136. лл. 124—125.

ниться с подходившей из России колонной Буксгевдена. Чтобы спасти армию, надо было задержать наступающих, и Кутузов поручил это особому, боковому авангарду под начальством Багратиона, высланному к Голлабруну в составе 6 тыс. человек при 12 орудиях.

Выиграв время дипломатическими переговорами Багратиона с Мюратом о перемирии, использовав нечеловеческую стойкость и мужество сопротивления укрепившегося в Шенграбене бокового авангарда, Кутузов вновь вывел армию из-под удара. Соединив свои силы, он намеревался, продолжая отступление, использовать факторы пространства и времени, позволявшие союзникам усилиться и, наоборот, ослаблявшие Наполеона. Надо думать, что эта тактика, столь напоминающая 1812 г., принесла бы удачные результаты и, во всяком случае, исключила бы катастрофу. Но прибытие в армию императоров Александра и Франца, их вмешательство в руководство военными действиями свело роль Кутузова как главнокомандующего к нулю в наиболее ответственный момент кампании. Вместо стратегии Кутузова был выдвинут мёртвый, доктринёрский план Вейротера, и кампания закончилась Аустерлицем, воспоминание о котором ещё более отдалило Александра от Кутузова.

Та же широта стратегической мысли характеризует деятельность Кутузова как главнокомандующего Молдавской армией в кампании 1811 года. Назревал конфликт с Францией, и перед Кутузовым была поставлена задача — как можно скорее закончить войну и вынудить противника к миру. Но нельзя было приступать к активным операциям, не упорядочив общее, весьма тяжёлое положение. Кутузов стал налаживать подвоз продовольствия и стягивать к Бухаресту разбросанные силы (около 46 тыс. чел.). Это требовало времени, и, чтобы выиграть его, Кутузов вступил с противником в переговоры о мире. Турки пошли на переговоры: они тоже нуждались в передышке, для того чтобы закончить свою подготовку к наступлению. Так прошло почти два месяца. Соглашение, конечно, не могло быть достигнуто, и военные действия возобновились.

Визирь Ахмет-бей, командовавший турецкими войсками, двинул свои главные силы к Рущуку, занятому русскими ценой больших потерь. Визирь намеревался вернуть Рушук, переправиться через Дунай и атаковать русских у Бухареста во фронт и фланг. В то же время 20-тысячный корпус Измаил-бея, заранее высланный в обход Кутузова, от Софии через Малую Валахию, должен был напасть на русских с тыла.

Тщательно наблюдая за действиями визиря, Кутузов разгадал его намерения и, учитывая слабость связи, несовершенство управления в турецких войсках и трудность маневрирования в бездорожной местности, противопоставил врагу собственный план, сущность которого до времени оставалась тайной.

Установив наблюдение за корпусом Измаил-бея, Кутузов поручил генерал-лейтенанту Зассу атаковать противника в благоприятных для себя условиях или, дождавшись, когда он углубится в лежавшую на его пути болотистую местность, «не выпустить его на твёрдую землю»¹.

Главное внимание Кутузов сосредоточил на Рущук. Он перевёл свои войска через Дунай и выдвинул на 4—5 км навстречу противнику почти половину своей армии (до 18 тыс. чел.) и большую часть артиллерии. Войска были построены в расположенные друг за другом каре — два пехотных и одно кавалерийское. Учитывая численное преобладание наступавшего противника (около 60 тыс. чел.), Кутузов сначала ограничился обороной укреплённых позиций, опиравшихся на лежавшую сзади крепость.

Первый натиск врага стоил русским больших потерь. Вражеская кон-

ница прорвалась в тыл, но, получив жестокий отпор, вынуждена была поспешно отступить. Бросив на врага свою кавалерию, Кутузов погнал конницу турок на их же собственную пехоту и, пользуясь сумятицей, двинул в атаку весь фронт.

Полностью разгромить столь превосходившие силы врага было невозможно, но понесённое им поражение было так тяжело, что визирю пришлось поспешно отступить, бросив на поле битвы раненых и большое количество военного имущества.

Русские генералы и вся армия, восхищённая победой, рвались преследовать противника к Шумле, но Кутузов благоразумно сдержал этот порыв: наступление могло стоить дорого, а решительные результаты не дало бы. Дальнейшие действия Кутузова вызвали общее изумление и даже ропот. Вместо того чтобы использовать победу, он оставил Руцук, предварительно срыв его укрепления, переправился на левый берег Дуная, разрушил мост и отступил на один переход к северу.

Руцук был единственным пунктом в руках русских на правом берегу реки, и оборона его сковывала значительную часть войск. Оставляя Руцук, Кутузов выигрывал в маневренности. Самое отступление было задумано как стратегический маневр, который «только и можно было произвести после выигранной баталии и ежели бы вместо выигранной баталии была бы хотя малая неудача, тогда должно было... не оставлять Руцук»¹.

Визирь в соответствии с приказами султана и сложившейся обстановкой занял Руцук, но сразу переправиться через Дунай не решился: он ожидал известий о движении корпуса Измаил-бея, которых, однако, не поступало. Заходя в русский тыл, Измаил-бей на переправе через Дунай встретился с 5-тысячным отрядом Засса, а после переправы вынужден был углубиться в огромные топкие болота, тянувшиеся в окрестности Калафата; из этой топи выбраться можно было только по двум дорогам. Когда турки ушли в болота, Засс при поддержке подошедших отрядов О'Рурка и Воронцова прочно занял выходы и «совершенно стеснил и запер неприятеля в Калафате»².

Прошли июль и август. Кутузов терпеливо ждал.

Понукаемый из Константинополя, визирь в начале сентября начал, наконец, переправу через Дунай. С большими трудностями из-за действий русской речной флотилии он перевёл на левый берег реки, к Слободзее, больше половины своей армии и после жестоких боёв закрепился здесь. Меньшая часть войск оставалась ещё в лагере у Руцука в ожидании переправы, закончить которую визирь не торопился. Этого-то и дожидался Кутузов, добившийся к этому времени подкрепления в две дивизии. Одну он назначил для охраны левого фланга, а другую — для усиления главных сил.

В конце сентября Кутузов ночью переправил через Дунай и двинул к Руцуку сильный отряд генерала Маркова (5 тыс. штыков, 2500 сабель, 34 орудия), который внезапной атакой разгромил противника и обратил его в паническое бегство. «Неприятель потерял убитыми, на месте оставленными полторы тысячи человек, да в плен взято до 900... Наша же потеря состоит в 6 убитых и 40 раненых в нижних чинах»³.

Затем с берега начался артиллерийский обстрел переправившейся через Дунай вражеской армии. Подошедшие с другой стороны главные силы Кутузова, прижав противника к реке, взяли его под артиллерийский огонь с близкой дистанции. «Заняв своими войсками берег неприятельской... прервав почти совершенно с Руцуком коммуникации туркам, находящимся в большом лагере на сей стороне... войска главного корпуса

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 2952, лл. 251—252.

² Там же, д. № 2934, л. 148.

³ Там же, л. 153.

сернированы... с моей позиции»¹, — писал по этому поводу Кутузов Багратиону 2 октября.

У визиря оставалось только два выхода—сдаться или бесцельно погибнуть. Турки поспешили предложить мир. Кампания, проведённая как шахматная игра, закончилась.

Переговоры оказались, однако, трудными. Наполеон удерживал султана от каких-либо уступок. Только исключительно ловкая и настойчивая дипломатия Кутузова могла вынудить согласие на подписание мира.

Почти накануне войны с Наполеоном Кутузов заключил с Турцией трактат, согласно которому Россия навсегда получила Бессарабию с крепостями Измаилом, Килией, Бендерами, Хотинном и Аккерманом.

IV

Молдавская кампания завершила второй период боевого творчества Кутузова. Он выступает здесь как главнокомандующий и талантливо решает новые задачи действия на больших территориях против превосходящих сил противника.

И если в 1805 г. дело Кутузова было испорчено вмешательством императоров Александра, Франца и окружавших их военных теоретиков, то в 1811 г. свою великолепную военную победу он сам завершил победой дипломатической.

И в 1805 и в 1811 гг. Кутузов выступал как достойный представитель суворовской школы, сумевший завещанные его предшественниками принципы воплотить в новых условиях.

Опыт кампаний 1805—1807 гг. показал насущнейшую необходимость пересмотра павловской военной системы, и Александр пошёл на это. Но ни он, ни его окружение не верили в пользу столь простого решения вопроса, как возвращение к национальным принципам и порядкам, воскрешению духа петровского Устава, румянцевского «Обряда службы», суворовской «Науки побеждать». Разгром Пруссии, осуществлённый Наполеоном в 1806 г. с невиданной лёгкостью, заставил хотя бы временно отвернуться от опозоренного прусского военного искусства, искать образцов и примеров во Франции.

Учиться у победителя, конечно, было естественно, но его уроки хотели расширить и исправить дополнительными умствованиями всё ещё не терявших престижа при русском дворе немецких теоретиков в сочетании с учением француза Гибера. Решено было восстановить практику лагерных сборов, маневров, обучать солдат прицельной стрельбе, упростить формы построений. Привычка плацпарадных «эволюций» всё ещё оставалась в силе. Но даже такие любители муштры, как великий князь Константин Павлович, стали находить, что это дело нельзя доводить до военной «танцевальной науки».

Под влиянием военного министра Барклая де Толли вновь ввели действие пехоты в рассыпном строю. А выпущенное в 1812 г. «Наставление господам пехотным офицерам в день сражения» знаменовало уже прямое возвращение к порядкам национальной русской тактики, неуклонно применявшейся Кутузовым, — широкое использование стрелковых цепей, резервов, меткой стрельбы, решающего штыкового удара. Значительно усовершенствовалась постановка действий артиллерии — как в смысле увязки с действиями других родов войск, так и создания артиллерийского резерва, согласно кутайсовским «Правилам для артиллерии в полевом сражении» 1812 года. Были изданы тактические руководства для офицеров, среди которых большим авторитетом пользовался известный труд Жюмина «О великих военных действиях».

Развитие военной мысли отразилось и в утверждённом 27 января 1812 г. «Учреждении для управления большой действующей армии». Тогда же было разработано «Положение для крепостей, на базе военных

¹ ЦГВИА. ф. 103, оп. 200, св. 33, л. 55, лл. 2—3.

действий расположенных». Кроме того было составлено несколько вариантов мобилизационных планов, оставшихся, однако, неиспользованными.

Осознав неизбежность решительной борьбы с Наполеоном, правительство Александра принимало меры к увеличению численности состава армии: к началу 1812 г. только в полевых войсках (не считая учебных и гарнизонных) было 480 тыс. человек, в том числе 365 тыс. пехоты, 76 тыс. кавалерии и 40 тыс. артиллерии при 1620 орудиях. При российских просторах и необходимости содержания крупных сил на окраинах из этого общего числа на западные границы, однако, могло быть выделено не более 220 тысяч.

В войсках, которыми командовал Кутузов, начала русского военного искусства не умирали. Это высоко ценили и солдаты, и офицеры, и общество. Кутузов становился главой национального военного течения, представленного буквально всей массой военных имён, позднее прославленных в Отечественной войне под начальством старого фельдмаршала. Даже его личные недоброжелатели и критики входили в этот круг.

★

Когда Кутузов принял командование войсками в Отечественной войне 1812 г., он, вероятно, ещё не имел законченного, точно разработанного плана, но у него была уже в то время общая стратегическая концепция, при которой условиями достижения конечной цели — изгнания завоевателей — ставились: сохранение живой силы армии посредством отступления; одновременное вовлечение в войну всей силы народа и при его помощи разрушение вражеских коммуникаций и всех видов снабжения; последующее нанесение ослабленному противнику удара, и, наконец, полное его уничтожение с помощью народа и координированными действиями всех войск с фронта, с тыла и с флангов.

Сохранение Москвы Кутузов в тот момент считал необходимым, как видно из его писем к Ростопчину.

Приняв командование, Кутузов начал с самого простого и насущного — с упорядочения материального быта армии, расстроенной быстрыми отступлениями, и с поднятия её духа, подавленного по той же причине. Уже само по себе назначение старого полководца подействовало благоприятно; по войскам сразу пошла поговорка: «Приехал Кутузов бить французов». Кутузов быстро добился того подъёма настроения в войсках, который «есть множитель на массу, дающий произведение силы»¹. Но, чтобы сохранить этот дух, необходимо было дать армии возможность убедиться в своей силе, в способности защитить родину и сокрушить врага или, во всяком случае, приостановить его наступление. Это могло быть достигнуто прежде всего активизацией боёв и использованием фланговых армий. Вместе с тем Кутузов, как видно из всей совокупности его распоряжений, стал всё большее значение придавать народной войне. Он намеревался усилить оборону, создав из войск генерала Милорадовича «вторичную стену» между Дорогобужем и Москвой. На подступах к Москве Кутузов предполагал дать врагу сражение и задержать его натиск.

Но к моменту вступления Кутузова в командование такое большое сражение было всё ещё не своевременным. Распоряжения, посланные генералам Витгенштейну и Тормасову, ещё не могли дать результатов: подкрепления, на которые рассчитывал Кутузов, не подошли, и полководец продолжал отступление, обещая армии, которая рвалась в бой, что день решительной битвы близится. Действительно, уже наступал момент, когда противник оторвался от своих баз, силы его уменьшались, расплывшись на охрану коммуникаций, вследствие громадных потерь отсталыми и заболевшими, а также убитыми и ранеными. Надо было определить место для решительного сражения.

¹ Толстой Л. Война и мир. Соч. Т. VII. Ч. 3-я, стр. 172.

Большинство дореволюционных военных исследователей порицает Кутузова за выбор позиции у Бородина. Многие (начиная с генерала Ермолова) пытаются даже доказывать, что позиция под Царёвым-Займищем была выгоднее. Современники, высказывавшие такое мнение, были явно пристрастны. Бородинская позиция, как писал в своих реляциях Кутузов, была лучшей из того, что можно было выбрать в подмосковных «плоских местах» на пути к Москве.

К тому же выбор позиции не зависел полностью от желания полководца. На предыдущем отрезке пути было ещё меньше возможностей решиться на генеральное сражение, хотя бы потому, что к армии не присоединились ещё ополченские формирования, которых ждал Кутузов. Продолжать отступление к Москве без боя или хотя бы в надежде дать бой где-то в непосредственной близости Москвы тоже не представлялось возможным. Итак, поскольку являлось необходимым «не теряя времени дать сражение и найти на протяжении двух — трёх переходов подходящую местность», Кутузову приходилось мириться со многими, и он, как и высланный им для осмотра Толь, «не был в состоянии найти лучшей позиции, чем под Бородино»¹.

Необходимость сражения созрела в обострении аррьергардных боёв, и Кутузов дал его, хотя ему и не удалось к тому времени ни получить достаточных подкреплений, ни даже инструментов для инженерных работ², а операция, намеченная на правый фланг противника, не получила развития.

Очень разумной надо признать систему укреплений позиции и размещения на ней вооружённых сил с сосредоточением возможностей обороны на правом фланге, куда можно было ожидать удара противника, и где, в случае успеха, он мог бы достигнуть решительных результатов. Сосредоточение сил на этом участке, пересекаемом Смоленским трактом, было важно для Кутузова и на случай неудачи. Более слабое левое крыло было усилено искусственными укреплениями, а крайний фланг защищён кустарниками и перелесками, исключавшими возможность для противника действия кавалерийскими массами и для охвата фланга. Но и в случае успеха на левом фланге враг не достиг бы решительной победы: у русских остались бы все возможности организованного отхода.

Принятое Кутузовым расположение сил и средств обороны заставило Наполеона в конечном итоге перейти к фронтальным атакам, стоившим ему на узком фронте колоссальных жертв и непоправимо обескровившим его армию.

Опускаем тактический разбор сражения. Напомним лишь, что войскам Кутузова противостояла численно превосходящая армия³, возглавляемая полководцем, увенчанным славой непобедимости, и всё же Наполеон вынужден был в конце дня отвести с поля свои войска. Огромные потери русских в конечном итоге оказались значительно меньше, чем у французов⁴. Ни та, ни другая сторона не получила решительного перевеса. Но Кутузов вправе был говорить о бородинской победе: стратегическая победа оказалась достигнутой им — этого не могли не сознавать Наполеон и его армия. Рассказывают, что на другой день после сражения маршалы, собравшиеся утром возле палатки Наполеона в ожидании его выхода, обсуждали события предыдущего дня. Все были подавлены и считали неудачу очевидной, а Ней был в таком возбуждении, что даже сказал о На-

¹ Клаузевиц К. 1812 год, стр. 85. М. 1937.

² Поликарпов Н. К истории Отечественной войны 1812 г. Вып. 3-й, стр. 20.

³ По вновь обнаруженному в архиве Государственного исторического музея французскому документу, армия Наполеона на Бородинском поле состояла из 180 тыс. чел. (против обычно принимаемых 130 тыс.).

⁴ 42½ тыс. русских против 58½ тыс. французов. Кац Б. Подлинные потери русской армии в Бородинском сражении. «Исторический журнал» № 7—8 за 1941 г., стр. 124—126.

полеоне: «Если он разучился своему ремеслу, пусть уж лучше уезжает в Тюильри». Ней, впрочем, был неправ. Дело заключалось отнюдь не в ошибках Наполеона и не в его насморке, будто бы повлиявшем на исход сражения, а в тех условиях, которые были созданы Кутузовым на поле битвы для наступающей стороны, в его руководстве сражением, в мужестве и стойкости русских войск, в искусстве их командного состава. Бородинское сражение стало роковым для «великой армии». Это был рубеж в развитии событий.

Наполеон, как утверждают, мог бы выиграть сражение, введя в действие свою гвардию, но он не сделал этого и поступил разумно: пиррова победа была бы для него ещё губительнее, чем неопределённость. Не растратил своих резервов и Кутузов. Он мог бы продолжить сражение, но не хотел ни рисковать, ни жертвовать: ему нужна была не тактическая, а стратегическая победа, и вопрос для него, как он писал Александру, заключался «не в славе только выигранных батальев, но вся цель устремлена на истребление французской армии»¹. В основном цель сражения была достигнута. Изучив противника в бою и учтя реальное соотношение сил, Кутузов нашёл нужным отойти. Он сохранил этим армию и заставил Наполеона вступить на гибельный для его войск путь. Новое сражение под Москвой было невыгодно во всех отношениях. С точки зрения тактической, позиции для боя были неудобны. Обещанные подкрепления всё ещё не подошли; противник обходил Москву по Боровской и Звенигородской дорогам, и в случае битвы вышел бы в русском тылу значительными силами. Создавалась обстановка, благоприятная для врага: выиграв сражение, он действительно получил бы громадные шансы на выигрыш войны².

Мудрое решение Кутузова сдать Москву без боя было поистине одним из самых поразительных актов величия ума и стратегического таланта Кутузова. Позднее Наполеон и сам признал огромные ошибки, которые допустил, взяв Москву и задержавшись в ней³.

Движение Наполеона к Москве и отход от неё Кутузова были тем этапом кульминации борьбы, когда наступающий, истощив себя, близится к опасному моменту вынужденного сокращения активности, а затем перехода к обороне. Вступление Наполеона в Москву совпадает с резким ослаблением его способностей к наступлению, а фланговый маневр к Подольску, Красной Пахре и Тарутину знаменовал переход инициативы в руки Кутузова⁴.

К этому времени дальнейший ход войны был уже ясен для фельдмаршала. Выведя фланговым маршем свою армию через Москву к Подольску, Красной Пахре и к Тарутину, он остановился тут, закрывая противнику путь на юг, богатый продовольствием. С этой позиции он брал под угрозу пути отступления «великой армии», и современник правильно отметил, что маневр к Тарутину явился «первым наступательным действием» русской армии в кампании 1812 года⁵.

В предписании от 23 сентября Кутузов сообщает генералу Витгенштейну, что при нынешнем осеннем времени, когда движения «большую армию» делаются совершенно затруднительными, решил я, избегая генерального боя, вести малую войну, ибо разделённые силы неприятеля и оплошность его подают мне более способов истреблять его... находясь

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 3470, л. 1655. Из донесения 27 августа.

² Документы, относящиеся к истории 1812 г. Вып. 14-й. Ч. 1-я, стр. 91, 94. СПб. 1913; «Отечественная война 1812 г.». Сборник документов АН СССР, стр. 83. 1941.

³ Наполеон высказал это в беседе с князем Понятовским в Варшаве во время бегства из России. Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников (1812-1815 гг.), стр. 419. СПб. 1882.

⁴ Клаузевиц К. 1812 год, стр. 81. Воениздат. 1937; его же, О войне. Т. II, стр. 269, 324. Воениздат. 1937.

⁵ Харкевич В. 1812 год в записках и воспоминаниях современников. Вып. 2-й, стр. 199. Вильно. 1903.

ныне в 50 верстах от Москвы с главными силами, отделяю от себя немаловажные части в направлении к Можайску, Вязьме и Смоленску. Кроме сего вооружены ополчения калужское, рязанское, владимирское и ярославское, имеющие все свои направления для поражения неприятеля»¹.

В том же предписании Кутузов указывает, что Тормазов, к этому времени соединясь с Молдавской армией адмирала Чичагова, «пошёл на принца Шварценберга»².

Усиливая и укрепляя в Тарутине свою армию, напряжённо обучая новобранцев, руководя всё шире развёртывавшейся народной войной, Кутузов видел рост своих сил и наблюдал за постепенным разложением сил противника, уже стремившегося к миру ценой любых уступок. Учитывая создавшуюся обстановку и психологию «великой армии», Кутузов считал какое бы то ни было сражение в это время не только излишним, но и вредным. Он энергично развёртывал «малую войну», поддерживал и укреплял партизанское движение крестьян, придавая ему прочные основы. Из состава армии выделялись кавалерийские отряды, первоначально мелкие, а потом крупные. Они заранее получали определённые направления, имея задачей действия на коммуникации противника. В дальнейшем опыт показал целесообразность расширения партизанской армейской сети за счёт донских казачьих отрядов, и Кутузов пошёл на это. Армейские отряды наряду с выполнением собственных боевых задач должны были составить костяк массовых народных, партизанских отрядов, придать партизанской войне организованный характер, согласовать её действия с действиями армии и подчинить одному общему руководству.

Враг, запертый в Москве, был всё ещё силен. Создав невыносимое для врага плотное партизанское окружение, Кутузов хотел как можно долее удерживать его в этом состоянии. Фельдмаршал стремился достичь победы ценой минимальных потерь русской крови и для этого добивался полного управления обстановкой и ходом всех событий. Даже самое наступление, которое подготавливал Кутузов, как и вся эта война, должно было протекать в совершенно необычных, новых формах одновременного, согласованного действия всех наличных сил, управляемых единой волей главнокомандующего.

С падением Москвы народная война получила необычайный размах. Кутузов знал, что если для француза падение Парижа всегда значит поражение Франции, так как подрывает и моральные и материальные силы сопротивления, то для русского падение Москвы, как и за двести лет до того, станет источником нового, мощного подъёма народной борьбы³. «Вы шутите, господин маршал, — сказал в Тарутине Кутузов маркизу Лористону в ответ на предложение о прекращении войны. — Неужели вы забыли, что до сих пор мы только и делали, что отступали? Война для нас теперь только начинается!»⁴.

Стремление к координированному действию всеми наличными вооружёнными силами в стратегическом плане Кутузова оставалось прежним. Сообщая 6 сентября адмиралу Чичагову о расположении после оставления Москвы своей операционной линии «по дорогам Тульской и Калужской и Смоленской», Кутузов приказал Чичагову, «соединясь с войсками генерал-лейтенанта Эртеля, идти сколь возможно будет кратчайшим и удобным путём к Могилёву на Смоленскую дорогу и далее к помянутой линии, как для сближения с здешними армиями, так и для угрожения неприятельского тыла и пресечения всякого сообщения его»⁵.

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 3514, л. 345.

² Там же, л. 346.

³ Как свидетельствуют современники, смысл оставления Москвы очень скоро был понят и солдатскими массами. См., например, «Два рассказа из истории 1812 г.». «Русский архив», стб. 1676 за 1858 год.

⁴ Вяземский П. Письма русского ветерана. Т. VI стр. 413. СПб. 1881.

⁵ ЦГАДА, разр. XX, д. № 385, л. 4. 1812.

Стратегические намерения Кутузова, определившиеся ещё до Бородина, нашли живой отклик в Петербурге. На этой основе был составлен — то ли императором Александром лично, то ли полковником Чернышёвым — известный план¹. Получив этот утверждённый в Петербурге план во время стоянки армии в Красной Пахре, фельдмаршал отметил его чрезвычайную близость к своему собственному плану, с той лишь разницей, что в предложенном варианте, который Кутузову предоставлялось принять или отвергнуть, координированное действие армий намечалось без их предварительного сближения. Фельдмаршал находил это невыгодным, а координированность удара в этих условиях — трудно осуществимой². Однако, намереваясь на практике внести в план нужные исправления, Кутузов ограничился лишь общим замечанием.

Было очевидно, что движение Торماسова и Чичагова в сочетании с угрозой со стороны Тарутина вынудит Наполеона позаботиться об отступлении. Вместе с тем в этой фазе войны Кутузов хотел сочетать сокрушающие силы армии с мощью народной войны в условиях русского пространства и климата. Именно для верной гибели врага он отказывался от преждевременного нападения: это могло бы заставить атакованную армию сплотиться для обороны, что, несомненно, задержало бы процесс её распада.

К тому же Кутузов полагал, что Наполеон скоро поймёт всю нецелесообразность задержки в Москве и оставит её, чтобы перейти к активным операциям. Важно было установить момент конца этой «паузы» в действиях Наполеона, чтобы опередить его и не допустить присоединения к его силам стоявшего на реке Чернишне корпуса Мюрата. Внимательно наблюдая за противником, Кутузов очень точно определил этот момент. Когда он, наконец, приказал атаковать Мюрата и развернул Тарутинское сражение, это удивительным образом совпало во времени с решением Наполеона оставить Москву. Во время боя Кутузов получил перехваченное казаками распоряжение маршала Бертье об отправлении тяжестей к Можайску. Фельдмаршал понял, что начинается новая фаза войны, и удержался от искушения преследовать и окончательно уничтожить разбитый

¹ Большинство историков (Харкевич, Ниве, не говоря уже о более старых) приписывает его Александру. Текст плана впервые издан Богдановичем. Соч. Т. II, примечание к гл. 27.

Нельзя не отметить, что стремление к воздействию на противника с разных направлений не было в это время исключительно «кутузовским». Ещё 9 августа Барклай-де-Толли в своём письме императору для задержки неприятеля, предлагал развернуть операции Торماسова на правый фланг Наполеона, со стороны Вольни и Мозыря. Одновременно с этим следует провести диверсию на левый фланг Наполеона, высадив десант в Пруссии, Курляндии или Лифляндии (Коллюбакин Б. Война 1812 года «Труды Русского военно-исторического общества». Т. V, стр. 61. СПб. 1912). Идея эта была понятна и другим генералам. Так, Винценгероде в письме Александру от 16 сентября, правильно оценивая значение флангового марша Кутузова, вместе с тем предлагает, «чтобы тот или другой корпус на Вольни был вовремя направлен на Могилёв или Смоленск; удачное нападение на один из этих пунктов немедленно поправит наши дела, желать же обойти врага на большом расстоянии мне кажется теперь не исполнимым» (Документы, относящиеся к 1812 г., под ред. Строева. Вып. 14-й. Ч. 2-я, стр. 233—234. СПб. 1913). Координация этих действий с действиями главной армии, однако, никем никак не предусматривалась, и предложения, в сущности, сводились к расширению уже осуществлявшихся операций на обоих флангах войсками Витгенштейна и Торماسова. Только Кутузов совершенно отчётливо наметил идею одновременно координированного действия армий по сходящимся направлениям, предусмотрев при этом их предварительное сближение.

² Документы 1812 г., под ред. Строева. Ч. 1-я, стр. 99—100. «До сего сделал бы то я Тормасову и Чичагову предписание, которое при сем в копиях подношу, извольте усмотреть малое различие в полученном вновь плане Вашего императорского величества», — пишет фельдмаршал в том же документе, вновь предлагая к плану важнейшую поправку о предварительном сближении группы вовлечённых в действие армий, так как «отдалённые диверсии от главного действия не могут иметь... такого влияния, как ближние».

корпус Мюрата¹. В ночь на 7 октября французская армия двинулась из разорённой столицы.

В то время как русские атаквали Мюрата, высланная из Москвы дивизия генерала Брусье двигалась по Новой Калужской дороге к Фоминскому, в обход левого фланга войск Кутузова. Так приступил Наполеон к осуществлению своего плана—спуститься к Калуге, овладеть её обильными продовольственными запасами и, укрепив армию, по неразорённой местности отступить к Смоленску. Вслед за Брусье выступили главные силы Наполеона; войска маршала Нея растянулись по Старой Калужской дороге, для того чтобы скрыть действительное направление марша Наполеона и этим обмануть русских.

Получив сведения о появлении французов у Фоминского, Кутузов 10 октября выслал туда корпус генерала Дохтурова. Скоро от Дохтурова пришло донесение, что, по показаниям пленных, в Фоминском сосредоточились главные силы Наполеона, который, видимо, думает идти к Малоярославцу. Почти одновременно стало известно, что и Ней, оставив Старую Калужскую дорогу, двинулся на соединение с главными силами. Наполеон, видимо, хотел прорваться к Калуге с тем, чтобы, приняв за линию основания Орловскую, Черниговскую и Могилёвскую губернии, учредить себе новую операционную линию через Рославль, Рогачёв, мимо Бобруйска на Слуцк и Несвиж к западной границе России, заняв для обеспечения сей линии малыми корпусами от 2 до 3 тысяч человек города Болхов, Брянск и Бежицу². В случае удачи Наполеон мог бы, во-первых, отступить к Днепру по богатой продовольствием местности, во-вторых, сблизиться с корпусами Сен-Сира, Удино и армией Шварценберга, и, наконец, заняв новые позиции, подкрепить в течение зимы армию польскими формированиями и с весны 1813 г. вновь перейти к активным операциям.

Осуществление этого плана не только вывело бы армию Наполеона из её тяжёлого и опасного положения в Москве, но сделало бы войну затяжной, а исход её неопределённым.

Кутузов считал поэтому важнейшей и решающей задачей не допустить продвижения врага к Калуге.

Вечером 10 октября 1812 г. русская армия спешно выступила к Малоярославцу, у которого уже развернулось напряжённое сражение. Город восемь раз переходил из рук в руки. Ночью к поредевшему корпусу Дохтурова подоспели на подмогу посланные фельдмаршалом войска генерала Милорадовича. Русские закрепились на южной окраине Малоярославца. Главные силы остановились в окрестностях села Спасского.

В штабе Кутузова шли споры. Генерал-квартирмейстер Толь настаивал на немедленном ударе по арьергарду Наполеона. Враждебный фельдмаршалу Беннигсен уверял, что мы теряем время, противник атакует нас и произойдёт «второе издание сражения при Эйлау»³. Кутузов всех слушал, но не следовал ничьим советам. «Завтра, — сказал он вечером, когда по донесениям составил себе полную картину обстановки, — должно быть генеральное сражение, без которого я ни под каким видом Наполеона в Калугу не пущу». Это решение полностью соответствовало плану задержать противника в голодной зоне, в пределах которой, с Москвой, как завершительным пунктом, изолировал «великую армию» Кутузов. Уклоняясь ранее от сражений, которые он считал не только опасными, но и бесполезными, фельдмаршал готов был теперь на любые жертвы, чтобы не позволить врагу вырваться из полосы опустошений, им причинённых.

¹ Подробно об этом см. в вышеуказанной статье П. Рынцзюнского Кутузов в Тарутинском лагере.

² «1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников». Вып. 2-й, стр. 212.

³ Записки Левенштерна, стр. 112—120.

Правильность и своевременность принятого решения лучше всего подтверждает ответное решение Наполеона. Император, привыкший сражениями определять судьбы Европы, на этот раз нашёл необходимым уклониться от боя.

Утром 13 октября Кутузову донесли о скоплении крупных французских сил у Медыни. Отсюда опять открывалась возможность обхода левого русского фланга и прорыва к Калуге. Вопреки общему желанию фельдмаршал отменил распоряжение о битве и приказал отступить к Полотняному заводу. Остановившись здесь, он перекроил дороги к Калуге и от Малоярославца и от Медыни. Это был несравненный тактический ход.

«Неприятельское стремление было обйти меня,— доносил Кутузов 20 октября императору Александру,— и пройти к Калуге, дабы тем ворваться в изобильные наши провинции. Сие заставило меня, оставя Старую Калужскую дорогу, перейти на Новую, где я упредил неприятеля у Малоярославца. Знатный его корпус был и на Медынской дороге, ведущей к Калуге. Неприятель отражён был от Малоярославца; я же с главною частью армии перешёл на Медынскую дорогу... Предупреждённый на всех дорогах, неприятель ретироваться стал через Вереву к Можайской дороге»¹.

Дальнейшие формы действия против врага были твёрдо установлены Кутузовым. «Полагая ему нанести величайший вред параллельным преследованием и, наконец, действовать на его операционную линию, большая наша армия расположена у слободы Полотняных заводов»²,— сообщал генерал Коновницын Витгенштейну по поручению фельдмаршала 16 октября.

Когда Наполеон увидел, что пути на юг прочно заперты, он не решился атаковать стоявшую у Полотняных заводов армию и начал отступление. В русский штаб поступили сведения, что «неприятель находится около Вереи и Боровска, что больных и обозы свои направляет назад по Смоленской дороге» и, видимо, решился «взять направление через Можайск на Смоленск»³. Но Кутузов не сразу поверил в это, тем более, что разведка ошибочно донесла о появлении французов севернее Смоленской дороги. Опасаясь, что император попытается с той стороны искать неразорённой дороги к Смоленску, Кутузов передвинул войска к Кременскому, чтобы снова перерезать путь «великой армии». Но она уже бежала из России по тому пути, куда загнал её Кутузов, по разорённой и опустошённой местности, в плотном партизанском окружении, парализовавшем всякую возможность для французов добыть себе хотя бы минимум необходимого провианта. Осторожно, но твёрдо он регулировал это губительное движение, неуклонно преследуя врага.

Параллельное преследование было рассчитано не только на истребление противника голодом, а позднее и морозом, как это часто изображают. Губительность этих факторов в расчётах фельдмаршала занимала видное место, но наряду с тем враг подвергался планомерному уничтожению народными, партизанскими отрядами и ещё больше — выделечными из состава войск армейскими отрядами.

Положение это с полной отчётливостью устанавливается документами. Журнал военных действий главной квартиры⁴ день за днём отмечает истребительную деятельность армейских «партизанских» отрядов. Так, например, 14 октября полковник князь Кудашев атаковал противника близ Боровской дороги, отбил более 100 фургонов с провиантом, «множество лошадей», «взял в плен около 400 человек и убил по крайней мере 280»,

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 3514, л. 475.

² Там же, л. 453.

³ Из донесения Кутузова от 16 октября. Цит. по Богдановичу. История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам. Т. III, стр. 422. СПб. 1865.

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3935.

потеряв сам при этом лишь 4 человека убитыми и 8 ранеными. В тот же день в стычке у селения Шаликово Кудашев захватил ещё 400 пленных.

20 октября подполковник Давыдов между Вязьмой и Гжатском наносит врагу крупный урон, захватывает 70 провиантских фур и берёт 230 пленнх. 27 октября граф Орлов-Денисов присылает 250 пленнх, а на другой день в селе Ляхове, близ Ельни, истребляет множество французов и захватывает в плен 60 офицеров во главе с генералом Ожеро и более 2 тыс. солдат. 26 и 27 октября Платов громит корпус вице-короля, отбивает у противника 64 орудия и наносит ему огромные потери, а вслед затем при переправе 4-го французского корпуса через реку Вопь берёт ещё 23 орудия и несколько сот пленнх. Почти одновременно с этим генерал Милорадович «при Соловьёвой переправе отбил 21 орудие и 1000 пленнх».

В общем за октябрь одним только Плаговым захвачено более 123 орудий. За один день, 1 ноября, «отряды главной армии взяли в плен до 20 офицеров и до 2000 нижних чинов»¹.

Замечательны результаты боёв у Красного. Наполеон потерял здесь 6 тыс. убитыми, 20 тыс. пленными, 230 орудий; потери Кутузова — 2 тыс. человек.

Таким образом, представление о том, что при параллельном преследовании «великой армии» Кутузов ставил перед своими войсками лишь ограниченную цель — удерживать неприятеля в голодной зоне, — а остальное предоставлял создавшейся обстановке и действиям вооружённых крестьян, неправильно. Роль последних была, конечно, очень велика, но она усиливалась и подкреплялась планомерными действиями «партизанских» «отрядов главной армии». Именно при помощи этих отрядов Кутузов придавал преследованию характер систематического истребления врага, достигая этим методом более значительных результатов и при том ценой гораздо меньших потерь, чем в больших сражениях.

Твёрдо и последовательно осуществляя эту оригинальную и полностью отвечающую особенностям обстановки систему, фельдмаршал допускал также и крупные действия, вроде боёв под Красным, но решительно пресекал всякие попытки втянуть армию в «большое сражение». Известно, как много нареканий это вызывало даже в штабе Кутузова и как негодовал Роберт Вильсон. «Мы бы могли окончить войну при Малоярославце; могли бы взять и уничтожить похитителя престола и вице-похитителя и 50 тысяч человек при Вязьме, но фельдмаршал лишил Россию такой славы, а Европу — такой выгоды», — писал Вильсон лорду В. Фельдмаршал реагировал на все нарекания только отдельными замечаниями. «В сражении 5 чюбря, — рассказывает А. И. Михайловский-Данилевский, — заметив неудовольствие окружающих его, зачем не становится он на путь отступления Наполеона, Кутузов сказал: «За десятерых французов не отдам и одного русского. Неприятеля скоро все пропадут, а если мы потеряем много людей, то с чем придём на границу?» А сею границею, куда указывал Кутузов, была ещё вся против России вооружённая и Наполеону раболопно подчинявшаяся Европа»².

Многие современники впоследствии правильно оценили эту тактику. «Князь Кутузов, при дальновидном своём соображении, при великой своей опытности... не хотел приносить напрасно в жертву людей... Он видел ясно... что всякие сильные натиски стоили бы нам много лишней крови и не принесли бы более пользы, какою мы впоследствии приобрели»³.

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3514, лл. 455—458 об. Письмо Кутузова Витгенштейну от 2 ноября.

² Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников, стр. 277. СПб. 1882.

³ Михайловский-Данилевский А. Император Александр I и его сподвижники. Военная галерея Зимнего дворца. Т. III, стр. 58.

⁴ Храповицкий Я. Воспоминания о Березинской переправе; Восский К. Отечественная война 1812 г. в записках современников, стр. 43. СПб. 1911.

Кутузов имел все основания быть убеждённым, что «после таких чрезвычайных успехов, одерживаемых нами ежедневно и повсюду над неприятелем, остаётся только быстро его преследовать и тогда... земля русская, которую мечтал он поработить, усееся костями его. И так мы будем преследовать неутомимо», — писал он в приказе по войскам от 29 октября. Лучше, чем кто бы то ни было другой, фельдмаршал предвидел, что и без больших боёв быстрое преследование гибнущего противника будет сопровождаться трудностями, и заранее призывал русские войска переносить эти трудности «с твёрдостью и терпением». «Пусть всякий помнит Суворова, — продолжал Кутузов в том же приказе, — он научал сносить голод и холод, когда дело шло о победе и о славе русского народа. Идём вперёд, с нами Бог, перед нами разбитый неприятель. Да будет за нами тишина и спокойствие»¹.

Могло казаться — так и казалось русским генералам, — что уже давно пора атаковать отступающих, разбить и уничтожить их. Но Кутузов не соглашался на это. Бой под Вязмой имел для него лишь частное значение, и он ликвидировал столкновение, как только оно стало перерастать в «большое сражение». «Ничто не могло заставить Кутузова действовать, — рассказывает современник, мало понимавший намерения фельдмаршала, — он не хотел рисковать и предпочёл подвергнуться порицанию всей армии»².

Рисковать и не нужно было. Враг и без того нёс должные потери, а остаток его армии Кутузов рассчитывал подвергнуть окружению.

В предписании Витгенштейну от 22 октября Кутузов, сообщая о движении главной армии в Вязме: «Откуда, ... держась левой стороны дороги, идущей от Вязмы до Смоленска, направиться через Ельню на Красной, стараясь выиграть там несколько маршей над неприятелем», — приказал поручить корпусу «графа Штейнгеля следовать за маршалом Сен-Сиром..., а вам, сообразуясь с моими движениями, сблизиться к Днепру» и, наблюдая противника, через партизан «отрезывать ему отступный марш».

Одновременно с этим Кутузов выслал на подкрепление Витгенштейна два казачьих полка³.

На другой день, 23 октября, в предписании Чичагову Кутузов указал, что он «боковым маршем почти на одной высоте с... главным авангардом» идёт к Орше; если же неприятель направится на Могилёв, «то пресечёт оному совершенно путь». Витгенштейн, разбив Сен-Сира, должен «отрезать совершенно отступление главной неприятельской армии от Смоленска через Оршу и Могилёв». В соответствии с этим Кутузов приказал Чичагову, «оставя наблюдательный корпус против австрийских войск, с другой частью обратиться в направлении через Минск на Борисов»⁴.

Отступавшая из Москвы стотысячная армия противника катастрофически таяла. После Смоленска в ней оставалось едва 50—55 тысяч. Тянувшиеся сзади дезорганизованные части становились жертвой партизан. (Охватом этих частей Кутузов и хотел ограничиться под Красным. Когда же оказалось, что в Красном Наполеон и гвардия, Кутузов решил прекратить сражение).

Нараставшие темпы параллельного преследования при трудностях снабжения и жестоких морозах влекли за собой в русской армии громадные потери отступающими⁵. Поэтому Кутузов не хотел форсировать маршей.

При быстром преследовании противника Кутузов рассчитывал использовать свои главные силы как наковальню, на которой остатки наполео-

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 3524, л. 51 об.

² Левенштерн. Записки. «Русская старина» № 1 за 1901 г., стр. 123.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 3383, л. 387.

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 3618, л. 540.

⁵ За путь от Малоярославца до Вильно число оставших достигло семидесяти тысяч.

новской «великой армии» будут разбиты ударами двух сомкнувшихся на линии Улы и Березины армейских групп — Чичагова и Витгенштейна. Эти армии численно превосходили собственные силы Кутузова. В главной армии тогда оставалось 44—45 тысяч. Центр тяжести операций на этом завершающем этапе переносился в тыл противника. В успехе операции на окружение Кутузов не сомневался, и весть о переправе Наполеона с частью войск через Березину была для фельдмаршала полной неожиданностью. «Я вчерашнего числа... извещился, что будто бы Наполеон с армиею своею перешёл... реку Березину, сему я почти верить не могу»¹, — писал Кутузов Чичагову 17 ноября.

Ошибки Чичагова и Витгенштейна, как известно, лишили березинскую операцию характера окончательного истребления врага. Кутузов, находившийся тогда в четырёх переходах от Березины, пришёл в бешенство. Гений Наполеона, вновь развернувшийся здесь во всём блеске, однако, мог спасти лишь ничтожные остатки армии. Его «успех» на Березине стоил ему не менее 30 тыс. человек.

В конечном итоге из России удалось бежать самому императору, около тысячи человек — остатки 575-тысячной «великой армии» (считая с её пополнением), — сохранившие ещё военную организацию, перешли через Неман. Всего разными путями спаслось и выбралось за русские границы до 30 тыс. безоружных, еле державшихся на ногах людей разных национальностей»².

V

Тягчайший удар, полученный Наполеоном в России, подобно подземному толчку, поколебал всё здание империи, созданной завоевателем, и предопределил её окончательную гибель в дальнейшем. Однако в начале 1813 г. политическое положение в Европе оставалось формально таким же, как и перед войной 1812 года. Империя Наполеона оставалась огромной силой, довлевшей над Западной Европой. Наполеон ещё обладал огромными ресурсами. Ему нужно было лишь время, чтобы их мобилизовать, закрепить покорность европейских государств и затем продолжать борьбу за мировое господство. Поражение в России, правда, могло и должно было вызвать отклик в ряде завоёванных Наполеоном государств, но существенной опасности для него в этом не было: если бы такие движения возникали, он мог бы подавлять их поодиночке. Войска для этого имелись, и Наполеон отнюдь не намеревался ослаблять их.

Для ведения войны Наполеон хотел и мог создать новую армию. В его казне ещё оставалось 160 миллионов золотом, вскоре по возвращении он добыл ещё 300 миллионов путём отчуждения общинных имуществ. Призыв 1813 г. дал 140 тыс. солдат, 100 тыс. человек были взяты из призыва старших возрастов. Свыше 120 тыс. дал досрочный призыв 1814 года. В приморских округах были собраны «флотские команды» численностью до 30 тысяч. 100 тыс. человек национальной гвардии также были взяты в войска и распределены по полкам. В общем уже в 1813 г. Наполеону удалось создать новую полумиллионную армию, хорошо вооружённую и обученную.

Русские государственные деятели хорошо понимали, как велика ещё мощь Наполеона, но не менее трезво учитывали и то, какой огромный ущерб он понёс в России. Отсюда делались различные выводы. Не вызвало сомнений, что Наполеон охотно заключит мир на выгодных для России условиях. Канцлер граф Румянцев и примыкавшая к нему группа полагали, что на такой мир следует пойти, требуя главным образом расширения русских границ до Вислы (за счёт Пруссии). Другие настаивали на продолжении войны до полного разгрома Наполеона и, во

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 3518, л. 712.

² Ни в е. Отечественная война 1812 г., стр. 754. СПб. 1911.

всяком случае, до освобождения всех средневропейских государств от его власти.

В начале похода 1813 г. Кутузову приходилось решать стратегическую задачу огромной трудности. Силы его были крайне ограничены. В Вильно в составе главной армии было только 27 тыс. человек. В бывшей Дунайской армии Чичагова было менее 30 тыс. человек, а в войсках Витгенштейна — менее 40 тысяч. Правда, на подкрепление главной армии в Вильно подошло пять пехотных полков князя Урусова, и в перспективе было дальнейшее её усиление. Но эти силы были ничтожны сравнительно с грандиозностью театра войны, имевшимися здесь вооружёнными силами врага и перспективой столкновения с новой «великой армией», над формированием которой уже работал Наполеон.

Основными ближайшими задачами Кутузов поставил себе прежде всего очищение Пруссии, поражение здесь живой силы противника и овладение его важнейшими опорными пунктами. Последняя задача рассматривалась как второстепенная. Операции на правом фланге преследовали политическую цель — вовлечь Пруссию в войну с Наполеоном, и стратегическую — завоевать стратегический плацдарм, с одной стороны, и пополнить свои силы прусскими контингентами — с другой.

Не менее важно было очистить от противника герцогство Варшавское — ближайший плацдарм наступательных операций будущей армии противника. Задачей здесь являлось обеспечение левого фланга наступления. Далее, можно было бы продвинуться в Силезию и захватить Саксонию, важную и как плацдарм дальнейших наступательных операций против Наполеона и как плацдарм Наполеона для наступления в сторону Варшавы.

Разобщённость двух основных театров военных действий требовала общей, центральной оперативной линии. Безопасность последней при её углублении на запад следовало обеспечить прочным положением тыла.

Наконец, операции на югозападе надо было вести так, чтобы облегчить возможность вовлечения Австрии в борьбу с Наполеоном, т. е. не провоцировать её на вооружённое столкновение, а максимально изолировать от непосредственного воздействия вражеских войск и создать убеждение в политической целесообразности присоединения к России.

Перед Кутузовым были на левом фланге сорокатысячный австрийский корпус князя Шварценберга и 8—10-тысячный корпус Понятовского. На правом фланге, в Пруссии, в районе Кенигсберга, стояло около 12 тыс. войск вице-короля и не менее 30 тыс. подчинённых ему прусских войск Йорка и Бюлова. Свыше 30 тыс. чел. занимали крепости на Висле, до 20 тыс. — крепости на Одере, и около 18 тыс. имелось в крепостях на Эльбе. Ряд городов на территории Пруссии был занят небольшими гарнизонами. Значительные силы имелись в Саксонии, король которой, видимо, не желал уклониться от обязанностей союзника Наполеона.

У противника был значительный численный перевес над армией Кутузова, но неприятельские силы были разбросаны и потому в значительной мере аморфны. Однако это было лишь временное явление. Уже в ближайшие недели противник должен был получить подкрепления, а через три — четыре месяца на театре войны следовало ожидать появления новой большой армии Наполеона.

В соответствии с поставленными задачами и сложившейся обстановкой Кутузов решил: 1) на первом этапе войны основные силы бросить в Пруссию и выделить сюда 55 тыс. (Витгенштейна и Чичагова, впоследствии заменённого Барклаем де Толли), 2) выделить в Польшу силы Милорадовича (с подчинением ему Дохтурова и др.). Сакена и Радта, общей численностью до 35 тысяч.

Для операций на центральном направлении наступления к Средней Висле выделить до 35 тысяч. Здесь активные действия, а также прикрытие операций наступающих на флангах частей и установление связи между ними возложить на авангард Винценгероде (около 16 тыс.); за ним направить «главную армию» (колонну Тормасова), численностью около 17 тыс. человек, фактически составившую общий резерв, как об этом и говорил сам Кутузов. «Главная армия» являлась резервуаром для сосредоточения пополнений, а вместе с тем опорой для развития действий групп.

Это было первое в мире наступление на столь широком пространстве — от Тильзита на севере до Варшавы на юге, — тогда как даже фронт вторжения «великой армии» в Россию в 1812 г. захватывал лишь пространство Ковно — Гродно.

При колоссальности театра войны и ограниченности средств успех мог быть достигнут лишь маневренными действиями групп и строгой координацией действий в пространстве и времени. Выдвигая вперёд сильный правый фланг (войска Витгенштейна и Чичагова с кавалерией Платова), Кутузов в середине декабря поставил перед ними задачу уничтожения войск Макдональда (поступивших затем под общее командование Мюрата, а после бегства последнего — под командование вице-короля Евгения), изоляции от французов прусских войск и очищения территории до Вислы. Маршруты, данные Витгенштейну и Чичагову, предусматривали их наступление (первого — через Тильзит, второго — от Нейштадта) к Эльбингу и Гольдапу. Платов с его 24 полками конницы и 10 полками авангарда Чернышёва наступал от Вильковишки, через Бартенштейн к Гольдапу, где сблизился с Чичаговым. Затем Платов соединился с войсками Витгенштейна у Диршау¹.

Развернувшиеся на правом фланге наступательные действия обеспечивали с этой стороны начавшееся в конце декабря движение главных сил на Млава — Плоцк, в обход левого фланга корпуса Шварценберга, отступавшего к Варшаве. Одновременно для непосредственных действий против Шварценберга были направлены из Гродно через Пултуск к Варшаве войска Милорадовича. Они заняли Варшаву 26 января, тогда как главные силы вступили в Плоцк 24 января. Цель была достигнута: Шварценберг отошёл к Кракову, а вслед затем с Австрией было заключено перемирие.

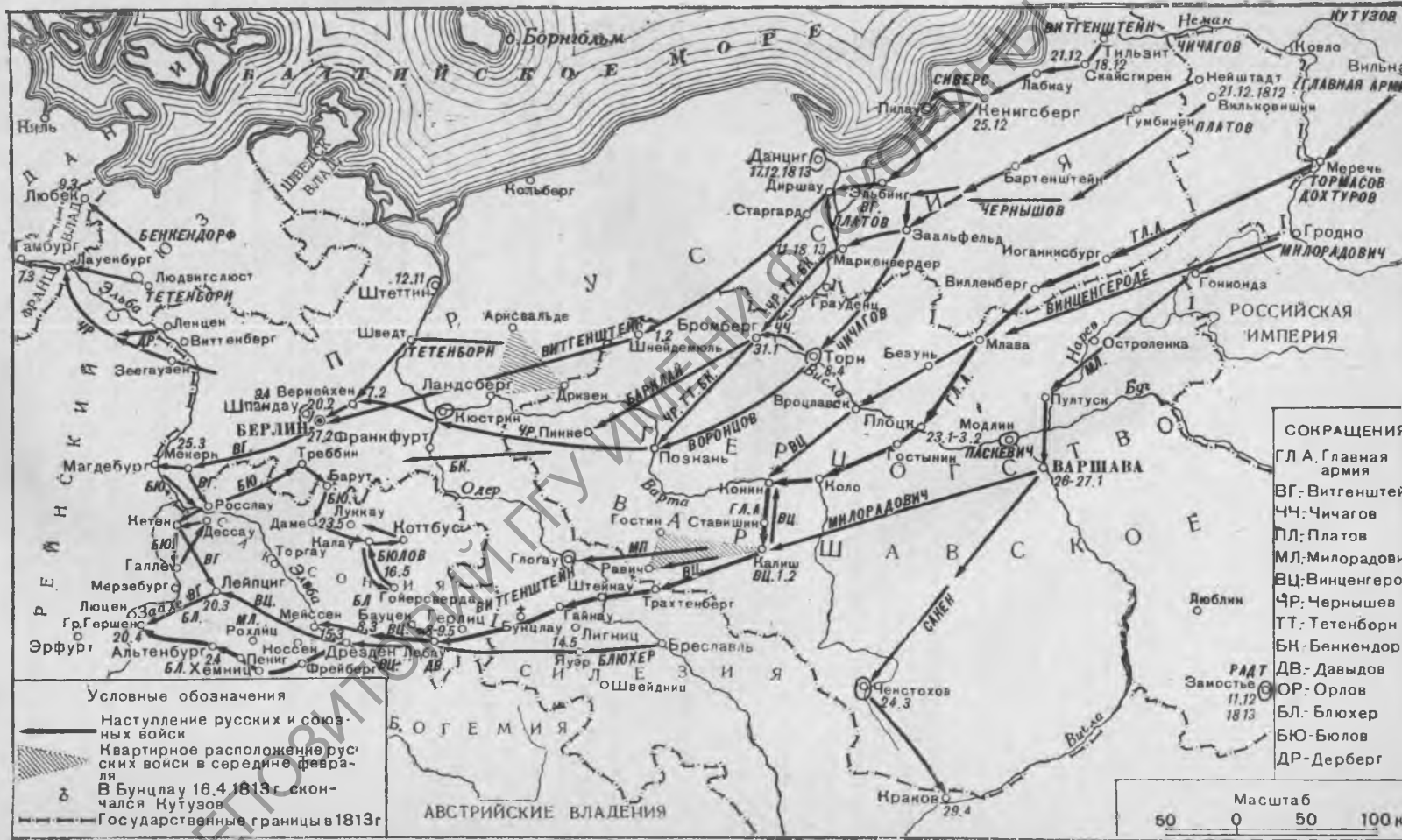
Первый период кампании закончился в середине февраля сближением войск и расположением их на кантонир-квартиры по линии от Дрицена до Аренддваля и Калиша с авангардами на линии от Ландсберга до Равича и Гостича. Это была оперативная пауза (хотя передовые «партизанские» отряды продолжали действовать со всей энергией), необходимая для приведения в порядок войск, для урегулирования отношений с Пруссией и включения в войну её сил.

Для военных действий первого периода характерен широко, последовательно и с полным успехом применяемый принцип концентрического наступления. К концу развёртываются действия летучими «партизанскими» отрядами. Осада и взятие крепостей хотя и отвлекают значительную часть сил, но не задерживают продвижения войск, в тылу которых эти крепости остаются. В итоге территория до Одера была очищена от противника, Пруссия вовлечена в войну, Австрия отказалась от военных действий против России.

Действия «партий» переносятся за Одер, широко развёртываясь в районе от Франкфурта до Штеттина и Берлина.

Добившись вовлечения Пруссии в войну, включения её сил в состав своей армии и призыва ландвера (что уже в марте дало 100 тыс. новых

¹ См. прилагаемую схему на стр. 29.

солдат), Кутузов приказывает Витгенштейну незамедлительно возобновить операции, направляя его от Дризена и Аренсбурга к Берлину, возле которого уже стоят Чернышёв и Тетенборн, и предписывает ему по занятии столицы распространить летучие отряды до Эльбы и за Эльбу, чтобы поднять тамошнее население к борьбе с Наполеоном. Винценгероде из Равича и Блюхер из Бреславля получают назначение двинуться к Дрездену и Лейпцигу. Милорадович следует сюда же через Глогау и Саган. Главная армия остаётся в качестве резерва в Калише, а затем также направляется к Дрездену.

Предвидя неизбежность скорого появления новой армии Наполеона, Кутузов стремится очистить возможно большие пространства до Эльбы, занять их главные политические и стратегические центры, поднять здесь народную войну и почерпнуть новые материальные и человеческие ресурсы. Всё это должно быть своевременно заключено сосредоточением всех сил на саксонском плацдарме для встречи с Наполеоном.

Кутузов ожидал, что Наполеон пойдёт из Франконии на Саксонию, где он имел бы и союзника в лице саксонского короля и откуда мог бы вторгнуться в герцогство Варшавское. Считая на данном этапе главной задачей прочное занятие Саксонии, Кутузов именно здесь и сосредоточил для основного удара все свои силы.

План этого отрезка кампании вновь построен на принципе концентрического наступления, на этот раз выраженного ещё более ярко, чем в начале похода. Все войсковые группы, каждая со своим маршрутом и своими заданиями, в конечном итоге подходят к одной точке и здесь соединяются. Настойчивые распоряжения, данные фельдмаршалом северной группе Витгенштейна, позволили своевременно подтянуть к району Дрездена (Цвиккау, Люцен, Борна, Фрейбург) и эту группу.

Расчёты Кутузова оправдались с изумительной точностью. В течение немногим более полутора месяцев второго периода (с конца февраля до середины апреля) он успел очистить Германию до Эльбы, поднять народное волнение в её левобережных областях, занять саксонский плацдарм, подготовить присоединение Австрии к коалиции и, стянув силы у её границ, побудить её к скорейшему решению. Кутузов совершенно точно предусмотрел стратегические и оперативные намерения Наполеона. Французская армия двинулась в наступление именно из Франконии, со стороны Эрфурта.

Наполеон наступал от Эрфурта к Лейпцигу, а вице-король шёл от Альтслебена на соединение с императором у Лейпцига. Это наступление началось в середине апреля, а 16 апреля Кутузов после тяжёлой болезни скончался в Бунцлау.

Главкомандующим был назначен Витгенштейн.

Кутузов достиг блестящего успеха в европейском освободительном походе 1813 года. Некоторое, хотя далеко не полное осмысление опыта этого похода с его новым и весьма совершенно осуществлённым приёмом концентрического наступления побудило немцев, да и кое-кого из русских военных историков-прусофилов приписать эти черты военного искусства Кутузова мудрости его «советников» — Шарнгорста, Гнейзенау, Блюхера. Шарнгорст не постеснялся приписать принципы кутузовского наступательного плана, принятого к началу второго периода кампании, себе, а Богданович, стараясь всемерно снизить роль Кутузова, повторил это в своей «Истории войны 1813 г.». В новейшее время генерал Эрфурт, а вслед за ним и другие немецкие военные специалисты уже безоговорочно объявили Шарнгорста и немецких военных теоретиков авторами принципа концентрического наступления¹.

Неправдоподобие этого утверждения совершенно ясно. Шарнгорст

¹ Эрфурт В. ген.-лейт. Победа с полным уничтожением противника, стр. 18. Перевод с немецкого. Воениздат. 1941.

и другие немецкие генералы появились в русской главной квартире лишь в начале второго периода похода (во второй половине февраля), когда у Кутузова были уже совершенно сложившиеся планы и опыт. Уже в первом периоде наступление осуществлялось концентрически. Деталь плана действий армии, сообщённая Кутузовым Витгенштейну 9 февраля и оставшаяся нереализованной из-за нежелания пруссаков включиться в действие, заключает в себе, несомненно, элементы принятого позднее плана действий на второй период. Применённый Кутузовым в 1813 г. метод наступления явился развитием опыта 1812 г. и труда Кутузова по новой системе управления и действия «большими армиями». Да и ему ли, так болезненно помнившему Вейротера, видевшему Фуля, «план» которого едва не погубил русскую армию и Россию, долго терпевшему и, наконец, выгнавшему Беннигсена, нецензурно ругавшему в день Бородину принца Вюртембергского, было «консультироваться» с Шарнгорстом?!

С другой стороны, откуда мог взяться у Шарнгорста, генерала численно ничтожной и подчинённой велениям Наполеона армии¹, метод концентрического действия? До своего разгрома 1806 г. прусские войска жели традициями наёмной армии Фридриха II. Метод самостоятельного действия раздельными группами к общей цели мыслим лишь для массовых национальных армий с высокоразвитой инициативностью каждого бойца и ответственной самостоятельностью командующих. Фридрих, наоборот, строжайше воспрещал такую самостоятельность. Даже Наполеон не умел культивировать инициативу, и его маршалы, привыкшие к руководству императора во всех деталях, чаще всего оказывались беспомощными в самостоятельных операциях. Это проявилось, в частности, в первый, наиболее ответственный момент наступательных действий наполеоновской «великой армии» в 1812 году.

В русской армии, где начала инициативности, «частного почина» были насаждены ещё Петром Великим и получили чёткое выражение в его Уставе 1716 г., маневрирование отдельными группами стало применяться раньше, чем где бы то ни было. Принцип «двигаться разделимо, бить вместе», авторство которого немцы пытаются приписывать себе, называя первым его выразителем Шарнгорста², был осуществлён в русских войсках ещё в то время, когда немцы у себя никак его отметить не могут. В 1770 г. Румянцев в наступлении к Рябой Могиле (где Кутузов был квартирмейстером корпуса Баура) осуществил принцип раздельного наступления сил и сосредоточения их в ударной точке не только с полной ясностью, но и с полным успехом. Его побудила к этому не массовость армии, а стратегическая обстановка, в частности невозможность продовольствовать даже те ограниченные силы, которыми он располагал, при условии их соединённого движения. Сходно с этим не раз действовал и Суворов: при высокой культуре личной инициативы это был приём частный, но вполне осуществимый.

В условиях действия «большими армиями» надо было вырабатывать новые методы. Русская военная мысль в начале XIX в. напряжённо работала над такими методами. Отсюда ряд официальных документов и инструкций, выработанных в обстановке назревавшей борьбы с Наполеоном и подготовивших решение задач 1812 г. (напомним ещё раз об «Учреждении для управления большой действующей армии», утверждённом 27 января 1812 года).

Но опыта тогда ещё не было. И когда Кутузов вступил в командование войсками в 1812 г., он, по его собственному признанию, ещё не имел правильной концепции не только по вопросам действия, но и управления «большой армией». Он выработал свою концепцию на опыте войны и в полной мере раскрыл её в 1813 г., когда с самого начала кампании

¹ По условиям Тильзитского договора Пруссия могла иметь армию не более чем в 40 тыс. человек.

² Эрфурт В. Указ. соч., стр. 18.

до последних дней жизни фельдмаршала всё было намечено предельно целесообразно и гениально рассчитано в обстановке и времени.

Плодом этих трудов великого полководца к моменту его кончины явились: освобождение всей Средней Европы, занятие нашими войсками основного оперативного направления, подкрепление армии подчинёнными ей силами Пруссии, приближение перспективы присоединения Австрии и сосредоточение в нужный момент всех сил для боевой встречи с подхваченной от Эрфурта армией Наполеона.

Кутузов умел молчать. Никто своевременно не разгадал его замыслов в 1812 г. и ещё меньше — в 1813 году. Когда король Фридрих-Вильгельм, вовлечённый в войну победами Кутузова, в конце февраля присутствовал на смотре войск главной армии, он был поражён её малочисленностью. Он, как и остальные, не мог понять, что это только резерв и что масса армии, расчётливо распределённая по направлениям, определённым Кутузовым, находится в непрестанном и строго координированном действии.

Ученик и младший сотоварищ творцов национально-русского военного искусства Румянцева и Суворова, Кутузов был не только подражателем или последователем своих учителей, но творчески развил их систему применительно к условиям войн, в которых ему довелось выступать в качестве главнокомандующего.

В первый период своей боевой деятельности он выступает перед нами как талантливый генерал суворовской школы.

Второй период обозначился в кампании 1805 года. Уже здесь Кутузов показал совершенно оформленную, оригинальную систему глубокой и тонкой стратегии, позволяющую судить о его вполне созревшем таланте и умении своеобразно, с величайшей эффективностью использовать все возможности своих военных сил в реальной обстановке войны, подчинять себе даже невыгоды этой обстановки и обращать их против неприятеля. Эта стратегическая и оперативная гибкость ещё ярче выступила в кампании 1811 года.

В обеих кампаниях Кутузов с исключительной, несравненной способностью находить неожиданные, блестящие решения сочетал вторую редкостную черту — умение приобретать победу «малой кровью». Суворовский тезис «воюют не числом, а умением» приложим к Кутузову в самом глубоком и полном понимании умения в смысле не только тактического, а главным образом стратегического расчёта.

Завершающий, высший период развития военного искусства Кутузова охватывает кампании 1812 и 1813 гг., когда ему пришлось воевать в совершенно новых условиях. Мало того, что враг двигал против него армию невиданной в истории Европы численности, — Кутузов и сам имел, хотя много меньшие чем противник, но всё же столь большие, размещённые на громадном пространстве силы, что ему надо было найти совершенно новые способы управления и боевого использования этих войск. Он искал и нашёл новые способы в войне 1812 г., хотя средства связи (которые он всемерно пытался усовершенствовать) крайне ограничивали возможность полной реализации его идей. После первых опытов Кутузов убедился, что правильные и строго координированные действия больших и далеко размещённых войсковых групп при наличных условиях требуют их предварительного сближения. Правильность этих соображений отчётливо вырисовывалась в березинской операции.

В 1813 г. Кутузов выступил как полководец, владеющий новыми методами военного действия. Он нанёс Наполеону второе стратегическое поражение, подготовившее окончательное крушение и гибель этого гениального полководца, завоевавшего Европу и погибшего в столк-

новении с Россией. Выразитель русского военного искусства, Кутузов получил тогда полный перевес над творцом нового, западного, военного искусства — Наполеоном.

В войне 1812 г. Кутузов выработал невиданную в XIX в., но подготовленную русским военно-историческим прошлым форму народной войны, в которой действия армии были органически соединены Кутузовым в единое целеустремлённое целое с усилиями народа, направляемыми общим руководством. В войне 1813 г. та же система получила выражение главным образом в действии русских легучих отрядов, выделенных из армии. Они должны были также вызвать восстания населения против власти Наполеона.

Это было совершенно новое явление в истории русского военного искусства XIX в., хотя прецеденты к нему имеются в кампаниях 1707 — 1709 гг. Петра Великого и во многих старорусских войнах московского периода.

Ученик Румянцева и Суворова, нераздельно принадлежа к их школе, Кутузов возвёл русское военное искусство на более высокую ступень и поднялся на один уровень с самыми выдающимися мировыми полководцами. Его победа над Наполеоном — лучшее тому свидетельство. Кутузов обозначил новый этап развития русского военного искусства.

